

Роман Анатолевич Глушков

Угол падения

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168617
Глушков Р. Угол падения: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28740-6*

Аннотация

Двадцатилетнее противостояние Интернета и виртуальной инфраструктуры следующего поколения – Менталиберта – завершается безоговорочной победой последнего. Созданный человеком новый искусственный мир становится частью привычной реальности, практически сливаясь с ней в единое целое...

Прогресс не обошел стороной и преступный картель Южный Трезубец, чьи боссы взяли за правило встречаться друг с другом в Менталиберте. Во время очередной такой встречи их атакует банда виртуальных экстремалов, которые решили во всеуслышание заявить о себе, подшутив над мафией. Однако банальное хулиганство оборачивается трагедией – совсем не шуточной смертью одного из мафиозных боссов. Жаждавший мести картель пускает по следу налетчиков своего лучшего палача Тремито, готового найти и растерзать каждого из них, в каком бы из миров – реальном или виртуальном – они ни скрывались...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Роман ГЛУШКОВ УГОЛ ПАДЕНИЯ

Никто из нас еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случилось, он не был бы счастлив, как кажется многим.

Платон

Пролог

Глядя на то, как меняется окружающий нас мир, закономерно предположить, что человек обязан меняться вместе с ним. Но что же мы видим на самом деле? Научно-технический прогресс с завидной периодичностью обновляет в этом грандиозном спектакле декорации и костюмы, а мы – девять с лишним миллиардов актеров театра под названием «Человечество» – продолжаем играть практически одни и те же роли. Счастливы и неудачники, герои и трусы, палачи и жертвы... Они существовали и в пещерах палеолита, существуют и на территории современного Менталиберта – пожалуй, единственной альтернативы для тех, кто бесповоротно разочаровался в жизни, но не нашел в себе мужества свести с ней счеты. Новые сценарии пишутся по старым избитым канонам, изо дня в день, из века в век... Кризис жанра? Вполне возможно, хотя за чередой быстро меняющихся декораций это так быстро и не определишь.

За последние два десятилетия мир не просто преобразился. Он стал гораздо шире и многограннее. Я внимательно наблюдал за его стремительными метаморфозами и не верил, что сумел дожить до такого на своем веку. Ветхое, пропахшее нафталином определение «виртуальное пространство» подходило для Менталиберта не больше, чем характеристика «высокая гора» – марсианскому вулкану Арсия, что вздымается в высоту на двадцать семь километров и обладает кратером стокилометрового диаметра. Менталиберт дает шанс побывать на Арсии. Пусть не настоящей, но вряд ли у кого-либо повернется язык назвать ее иллюзией или искусственной трехмерной моделью. Время убедительно доказало, что любому порождению человеческой фантазии можно придать материальную форму, нашелся бы только высококлассный креатор – специалист по преобразованию окружающего нашу планету ментального эфира. Да, такие таланты встречаются не на каждом шагу, но в любом случае сегодня ситуация не столь безнадежна, как двадцать лет назад, когда креаторы являлись воистину уникальными и ценились на вес золота.

Благодаря этим самоотверженным и преданным своему делу людям мы сумели в короткий срок покорить и упорядочить стихию М-эфира, а затем выстроить на его фундаменте Менталиберт – мир безграничных возможностей. Он не просто дополнил собой привычную реальность, а слился с ней и стал ее неотъемлемой частью. Ныне раздвоение личности не считается серьезным психическим расстройством, ибо этот диагноз применим в той или иной степени к любому человеку, угодившему в липкую М-эфирную паутину. А к таковым теперь не принадлежат разве что дикари, которые живут вдали от цивилизации и упорно отвергают ее блага, даже электричество.

Более того, современный обитатель Менталиберта прекрасно адаптирован не только к раздвоению, но и к расслоению собственного «я» на множество других, иногда весьма противоречивых, личностей, живущих параллельно несколькими вполне насыщенными жизнями. Все это, разумеется, накладывает отпечаток на мировоззрение и психику современного человека, но не настолько, чтобы его выбил из седла бешеный темп такого существования. Наоборот, для многих моих современников он является необходимой тера-

пией, помогающей бороться с целым букетом хронических недугов так называемого быстрого времени. Времени, ход которого с недавних пор заметно ускорился и которое становится все более дефицитным товаром. Поэтому неудивительно, что стало непрактично и немодно тратить его на сон. Ему на смену пришли ударные комплексы восстановительных процедур, что позволяют набираться сил при полностью активном сознании.

Мыслимое ли дело – бесцельно проспать треть собственной жизни! И почему раньше мы не осознавали, какую катастрофическую ошибку допускаем? Только представьте, как далеко продвинулась бы цивилизация, научись люди круглосуточно бодрствовать еще на заре ее развития. Выходит, что пару тысяч лет наша история попросту топталась на месте – непростительное преступление предков по отношению к потомкам.

В Менталиберте, ясное дело, никто не спит в принципе. М-эфирный мир чем-то похож на ядерный реактор, где при надлежащем обслуживании и контроле однажды запущенный процесс может длиться бесконечно. Либеррианцы – так называются населяющие Менталиберт М-дубли обычных земных обитателей – наслаждаются полнокровной жизнью и днем, и ночью. Ну а если кого-то из чересчур привередливых «не спящих» раздражает сама смена времени суток, здесь есть уголки, где суточный цикл отсутствует вовсе. Выбирай, что твоей душе угодно: вечные день, ночь или сумерки. То же самое с погодными явлениями и временами года. Любишь дождь? Без проблем. Подыщи себе нужный регион и наслаждайся видом разверзнутых небесных хлябей хоть до второго Христова пришествия. Которое, однако, мало кого из либеррианцев волнует, ибо Спасителю тут делать совершенно нечего. В Менталиберте всяк горазд спасти себя сам. Здесь люди не умирают, а путем несложных манипуляций выводят свое сознание из М-эфира и возвращают его на грешную Землю.

Впрочем, не всем доступна эта процедура перехода из виртуального пространства в реальное и обратно. Мне – Созерцателю – не приходится и мечтать о возвращении в естественную реальность. Вот уже почти полвека я связан с ней исключительно воспоминаниями, да к тому же не самыми приятными. Можно сказать, что я – натуральный коренной либеррианец, но и это будет полуправдой. Конечно, сегодня для меня Менталиберт – родной и единственный дом. И все-таки Созерцателя и либеррианцев разделяет непреодолимо огромная пропасть, ведь я старше не только любого из них, но и самого М-эфирного мира.

Я прекрасно помню времена его зарождения. Тогда сотворенные из М-эфира, разрозненные клочки виртуального пространства – в большинстве своем примитивные игровые «площадки» – существовали отдельно друг от друга, а их объединение было лишь красивой идеей. В те годы на планете безраздельно царствовал могучий титан Интернет, но многие прогнозисты уже предрекали его скорую кончину. Даже начальные эксперименты с М-эфиром дали понять всю бесперспективность дальнейшего развития Интернета – запутанной и ненадежной информационной структуры, созданной в конце прошлого тысячелетия. Время все расставило на свои места и целиком подтвердило обоснованность этих прогнозов. Менталиберт встал на ноги, окреп и взялся разрастаться немыслимыми темпами. Первичные М-эфирные образования объединились, будто реки, слившиеся в огромный безбрежный океан.

Вместе с одной из таких «рек» я и угодил в этот новоиспеченный и неимоверно притягательный мир. Мир подлинной свободы и широких горизонтов... Как мне тогда казалось. К сожалению, я ошибался. Поэтому, когда прочие либеррианцы начали заселять Менталиберт, Созерцатель уже был здесь, успев на тот момент не только приспособиться к новой среде, но и пережить очередной крах всех надежд на светлое будущее.

Еще до начала массового заселения Страны Хрустальных Грез я осознал, что не пройдет и года, как обетованная сказка со всеми ее чудесами превратится в искаженное отражение земной реальности. Точно так же, как в свое время Интернет превратился в грандиозную информационную помойку, став скопищем такого количества пороков и грязи, что после его посещения мне всегда хотелось вымыть руки.

Созерцатель способен видеть многое сокрытое от глаз простых либеррианцев, но он не пророк. Однако это мое предсказание сбылось еще быстрее, чем я рассчитывал. Нет, Менталиберт не рухнул и не погряз в хаосе. Просто в отличие от тех игровых миров, в которых мне довелось обитать прежде – пусть фантастических и жестоких, но все равно по-своему привлекательных, – этот мир вынуждал меня жить отнюдь не по благородным законам. Слишком долго пробыл я в ипостаси Героя, Любимца Богов, чтобы безболезненно напаять на себя блеклую шкуру рядового обывателя. А иначе никак: все мои некогда могущественные покровители от меня отреклись, а без их протекции достичь прежнего геройского статуса было невозможно. Слишком велика конкуренция при столь отвратительных правилах местного судейства. Впервые за долгое время я вышел из игры без борьбы, поскольку не видел в ней ни малейшего смысла.

Так некогда знаменитый Герой переродился в Созерцателя – незаметного второстепенного персонажа на многолюдной сцене колоссального Менталиберта. Я ощущал себя на все свои семьдесят с лишним лет – ровно на столько, сколько и значилось бы сегодня в моем паспорте, имейся у меня таковой. И хоть внешне я по-прежнему выглядел на тридцать с хвостиком, а мое М-эфирное тело не старело, на душу это не распространялось. По человеческим меркам я прожил целую жизнь, по здешним специфическим критериям – так и вовсе несколько. Неудивительно, что Созерцатель устал и хотел обрести покой. Желательно вечный, но и от долговременного я бы тоже не отказался. Все что угодно, лишь бы держаться подальше от бессмысленной суеты, какую в основном и представляло собой существование в ментальном пространстве. Человек становится либеррианцем затем, чтобы успеть на своем веку вкусить все доступные ему в Менталиберте наслаждения, поэтому и ведет себя здесь так, будто живет последний день.

Ища уединения, я чувствовал себя буддистским монахом, отправленным на пожизненную ссылку в сверкающий огнями Лас-Вегас. Однако мои настойчивые поиски в конце концов увенчались успехом. Мне удалось выкупить за бесценок у представителей какой-то мелкой религиозной конфессии их недвижимое имущество и отрешиться от мира в стенах небольшой церкви (Наивные конфессионеры! Они искренне хотели принести либеррианцам Слово Божье! С тем же успехом святые отцы могли бы петь свои псалмы крокодилам!). Невероятно, но Созерцатель и впрямь отыскал в бушующем океане М-эфира свою маленькую Шамбалу!

Мне удалось неплохо обжиться и пустить корни прямо на гигантском оживленном Бульваре – центральной части Менталиберта; если рассматривать его в виде скелета, то Бульвар мог бы считаться его позвоночником – несущей конструкцией всей разветвленной М-эфирной структуры. Либеррианцы редко обращали внимание на мою обитель, считая ее лишь частью местного антуража – какой же город без церкви? А если и стучали изредка в постоянно закрытые ворота, то исключительно ради праздного любопытства. После чего безмерно удивлялись, выясняя, что, оказывается, храм великомученика Пантолеона – не декорация, а настоящая церковь, разве что заброшенная. И пусть с уходом отсюда христианских миссионеров этот дом больше не принадлежал Господу, я не стал радикально переделывать внутреннее убранство, оставив в церкви частицу ее старой атмосферы. В основном из-за того, что она надежно ограждала меня от бурлящих снаружи страстей.

Так продолжалось много лет, до тех пор, пока в Менталиберте не появились *они* – те, кто, подобно мне, был обречен на вечное заточение в М-эфире. Живые покойники, которых я мог по праву называть родственными душами, кабы не одно «но» – вся их компания добровольно избрала себе такую судьбу. И в отличие от меня они не намеревались отсиживать в убежище. Пожалуй, это были самые неугомонные и парадоксальные самоубийцы в истории человечества; самоубийцы, которые так сильно любили жизнь, что не задумываясь расста-

лись со своими телами в обмен на шанс обрести бессмертие. Это были Герои нашего времени, вот только всех последствий своей отчаянной авантюры они, увы, не предусмотрели...

Глава 1

Виктория Наварро, более известная в кругу друзей под прозвищем Кастаньета, раньше не бывала в Палермо и потому не могла сказать, насколько настоящая столица Сицилии отличается от ее М-эфирной модели. Последняя – та, на которую Викки взидала сейчас с горы Пеллегриньо (такой же ненатуральной), – выглядела вполне детализированно и симпатично. Это выгодно подчеркивала и архитектура города, стилизованная под начало двадцатого века.

Из-за отсутствия современных высотных зданий все знаменитые достопримечательности Палермо лежали перед Кастаньетой как на ладони. Вон там, на одной из главных городских улиц, возвышается помпезный собор Успения Богородицы, а юго-восточнее – мрачная громада оперного театра Массимо, построенного якобы на месте старого кладбища и потому изобилующего привидениями. Ближе к морю, на площади Карачолло, раскинулся огромный рынок; как было известно Виктории со слов Демиурга – исправно функционирующий. Это означало, что при желании сеньорита Наварро могла бы направиться туда и прикупить там фруктов или каких-нибудь безделушек. А быть может, ей вздумается совершить прогулку к морю и полюбоваться видом палермской бухты Золотая Раковина с портового пирса – тоже неплохой маршрут для экскурсии.

Но черноволосую грациозную девушку-баска интересовала лишь одна здешняя достопримечательность: палаццо Деи Нормани – Королевский Норманнский дворец, находившийся в центре Палермо, на площади Независимости. Знаменитый исторический памятник, весь комплекс которого превосходно просматривался с вершины Пеллегриньо, был воссоздан неизвестным Виктории креатором с не меньшей педантичностью, чем остальные здания ментального макета сицилийской столицы. Следовало догадываться, что убранство зала короля Рожера и Палатинской капеллы – главных архитектурных жемчужин дворца – способно восхитить столь же сильно, как в оригинале. Конечно, при условии, что боссы Южного Трезубца когда-нибудь позволят туристам посещать этот закрытый квадрат Менталиберта.

Викки и впрямь была первой туристкой, вероломно нарушившей границы частных владений трех крупных итало-американских семей – Барберино, Сальвини и де Карнерри. Три влиятельных преступных клана, объединившиеся три года назад после долгой кровопролитной междоусобицы в картель под названием Южный Трезубец, держали под контролем почти половину нелегального американского рынка и все транзитные каналы поставок наркотиков из Азии через Средиземноморье и океан в Штаты. Сегодня бизнес сицилийцев процветал как никогда, однако Америка и Европа продолжали с содроганием вспоминать, какой ценой был достигнут компромисс между этими амбициозными макаронниками.

Их надолго затянувшаяся вражда унесла столько жизней, сколько не сумели унести все предшествующие ей мафиозные конфронтации вместе взятые. Вспыхивающие на улицах Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Чикаго межклановые столкновения принимали характер чуть ли не локальных гражданских войн. Выгорали подчистую целые кварталы. Взрывы в ресторанах, на заводах и в банках стали обыденным делом. Число невинных жертв нескончаемой резни возрастало в арифметической прогрессии, а выпуски теленовостей порой напоминали фронтовые сводки. Фамилии Барберино, Сальвини и де Карнерри получили международную известность, к чему, естественно, никто из членов этих семей изначально не стремился.

И когда на исходе четвертого года конфликта количество убитых в кланах стало преобладать над количеством выживших, здравый смысл все-таки возобладал у глав трех семей и вынудил их начать переговоры о перемирии. Сделано это было как никогда своевременно. Главные конкуренты макаронников по теневому бизнесу из Восточной Европы и Латинской Америки уже начали потирать руки, предвкушая передел сицилийского пирога, чьи хозяева вот-вот должны были перебить друг друга и оставить на растерзание коварным соперникам

практически весь свой рынок. Но враждующие семьи трезво оценили ситуацию и выставили в защиту своих едва не утраченных интересов грозный Южный Трезубец. Конкуренты тут же поджали хвосты и оставили притязания на собственность новообразованного картеля, а сицилийцы принялись зализывать раны и сплачиваться еще сильнее, идя на взаимные деловые уступки и устраивая миротворческие браки между детьми из разных кланов. Будоражившие Америку мафиозные страсти наконец-то улеглись, и на некогда жарком криминальном фронте воцарился пусть зыбкий, но мир...

Квадрат Палермо появился в Менталиберте уже после Тотальной Мясорубки – так с некоторых пор средства массовой информации именовали отгремевшую бойню сицилийских кланов. Барберино, Сальвини и де Карнерри создали совместными усилиями в знак нерушимой дружбы М-эфирный квадрат для проведения встреч в верхах и иных корпоративных мероприятий. Надо заметить, что задумка сицилийцев отнюдь не являлась оригинальной. Пользоваться ресурсами Менталиберта для подобных целей стало общепринятой практикой во всех без исключения деловых кругах, и легальных, и криминальных. Имея необходимое оборудование для подключения к М-эфиру, партнеры по бизнесу могли собираться вместе, находясь одновременно в разных концах планеты, и при этом сохранять полную конфиденциальность встречи. Если хозяева квадрата просили курирующего его креатора оградить их от посторонних, ни один либериианец не мог проникнуть на запретную территорию. Креатор фиксировал любое несанкционированное вторжение и извещал о нем своих нанимателей. Ну, а когда креатором выступал кто-то из доверенных лиц хозяев, секретность переговоров становилась еще более надежной.

Виктория Наварро была абсолютно уверена, что ее проникновение в принадлежащий Южному Трезубцу квадрат осталось незамеченным. Она занималась подобным беззаконием с тех самых пор, как вступила в «Дэс клуб», и еще ни разу не обнаружила себя при пересечении М-рубежа, коими креаторы блокировали границы своих ментальных творений. Правда, раньше Викки не доводилось врываться в «загон» к таким серьезным ребятам, как сицилийские мафиози, но было сомнительно, чтобы надзирающий за ними оператор М-эфира использовал какие-то уникальные методы защиты квадрата. Виктория могла поспорить с кем угодно, что готовые к внезапному появлению квадроклопов макаронники совершенно не ожидают визита такого непрошеного гостя, как она.

В этом и состояло ее преимущество. Кастаньета находилась под ментальным колпаком Демииурга, а с таким покровительством ей было под силу одурачить любого креатора, даже высокопрофессионального. Уверенные в надежности своих М-рубежей, члены Южного Трезубца могли принять Наварро всего лишь за статистку. То есть за либериианку, под личиной которой скрывался не живой человек, а одна из программ хомо-имитаторов. Их порождали генераторы случайных персонажей – вспомогательные инструменты каждого креатора, в чьих квадратах обитали не только одушевленные либериианцы, но и необходимая для разнообразия мира искусственная массовка.

Креатор итальянцев не должен был обнаружить присутствие Викки вообще ни под каким видом. Конечно, если только он собственноручно не принимает участие во встрече боссов картеля, что маловероятно. Вряд ли они позволят разгуливать по Палермо либериианцу, обязанному обеспечивать прикрытие для столь мнительного собрания. Нет, создатель этого квадрата находится сейчас на своем посту, вне Менталиберта, контролирует обстановку и молит Господа, чтобы мероприятие прошло без эксцессов. Бедолага! Сидит за пультом своего инструментария-сентенсора и не ведает, что уже вляпался в дерьмо по самую макушку. И поделом! Впредь будешь думать, к кому наниматься на службу. Если, конечно, сицилийцы подарят тебе это самое «впредь».

Наварро взяла висящий у нее на шее бинокль и внимательно осмотрела палаццо Деи Нормани и его окрестности. Нежелание боссов Южного Трезубца встречаться в пустынь-

ном городе вынудило креатора наводнить улочки Палермо жителями и допотопным автотранспортом – движущимися декорациями, хотя при желании с каждым из статистов можно было побеседовать на любую не слишком заумную тему. Давно ушли те времена, когда массовка Менталиберта состояла сплошь из одних неразговорчивых тугодумов. Сегодня программы – хомо-имитаторы способны вылепить из М-эфира какого угодно человека, почти не отличимого от настоящего. Единственное, чего так и не научились имитировать умные программы, – это живое выражение человеческих глаз. Поэтому каждый одушевленный либерианец был способен без труда отличить своих собратьев от бездушных статистов.

Викки заметила, что отирающиеся возле дворца угрюмые громалы были отнюдь не статистами, а М-дублями реальных телохранителей. Они постоянно всматривались в лица «декоративных» прохожих, разве что делали это без особой дотошности, скорее по привычке. Чего, спрашивается, бояться владельцам наглухо запечатанного квадрата? В отличие от настоящего, этот Палермо целиком и полностью принадлежал им. Сомнительно, что Южный Трезубец дерзнул бы когда-нибудь встретиться в настоящем палаццо Деи Нормани, хотя эти люди чувствовали себя и на реальной Сицилии полноправными хозяевами. А здесь мафиозные шишки могли себе позволить расположиться под крышей самой Палатинской капеллы, и никто не смел их в этом упрекнуть. В любом случае, заседание благородных донов Барберино, Сальвини и де Карнерри в стенах исторической святыни выглядело куда пристойнее, нежели развязные вечеринки, которые обожали устраивать в квадратах Версаль и Петергоф всяческие богатенькие ублюдки. Кастаньета твердо решила, что рано или поздно она заявится на одну из таких оргий с тем же багажом, какой лежал сейчас у нее в кейсе, и оторвется там по полной программе. Но это в будущем. А пока надо разобраться с сицилийским картелем...

– Терпеть не могу альтруистские акции! – заявила намеренно Виктория Демиургу – организатору и бессменному председателю «Дэс клаба», где девушка состояла вот уже несколько лет. – Неужели русские или латиносы не захотели спонсировать твою авантюру? Мне казалось, они всегда рады шансу сунуть палку в колесо макаронникам.

– Ты что, отказываешься? – удивился толстяк Демиург. За годы своего руководства клубом он разработал и скоординировал больше сотни аналогичных операций, но личного участия не принял ни в одной из них. И дело было вовсе не в неуклюжей комплекции председателя, зачем-то создавшего свое М-эфирное тело точной копией того, которое мировой банк органов уже наверняка распродал донорам по «запчастям». Демиург являлся, если можно так выразиться, альфой и омегой всех мероприятий «Дэс клаба». Без участия этого уникального либерианца они бы попросту не начались и не завершились как полагается. Поэтому никто из товарищей не смел обвинить председателя в том, что он никогда не рвется в горнило боя. Клуб вел в Менталиберте бои по своим правилам и никогда не жертвовал стратегическими фигурами.

– Я что, похожа на дуру – пропускать такую прогулку? – фыркнула Кастаньета. – Мне без разницы, задарма работать или через счетчик. Даже не вздумай перебрасывать жребий – если я в игре, значит, это железно! Просто хочу понять, чем на сей раз вызвано твоё беспокойство. Ведь дело наверняка на несколько тысяч *клик* тянет.

– Никто нам с тобой его не *прокликает*, – огорченно вздохнул Демиург. – Я предлагал – все отказались. Русские заявили, что не видят смысла платить за мелкое хулиганство в отношении итальяшек. Трахнутые латиносы меня и вовсе обсмеяли: мол, нашел, чем досадить Макаронной Вилке! Вот если бы мы такое в реальности провернули, тогда – да, а так... Поэтому будем считать налет на квадрат Палермо широкомасштабной рекламной кампанией с прицелом на будущее. Поглядим, как отреагируют сицилийцы на нашу трахнутую шутку.

Авось посмеются да захотят нас нанять, чтобы мы подобным образом над их конкурентами поглумились.

– У сицилийцев, как и у нас – басков, – нет чувства юмора, – помотала головой девушка. – Не думаю, что они станут тратить время на войну с каким-то там «клубом мертвых шутников» – скорее накажут за разгильдяйство кого-нибудь из своих, – но дружить с нами после такой выходки картель точно не станет.

– Да и хрен с ним, – махнул рукой толстяк-председатель. – Тоже мне, велика потеря! Я собрал вас вместе не для того, чтобы трахнутой политикой заниматься. «Дэс клаб» чихал на политику! В конце концов, мы никогда не занимались тем, что шло вразрез с нашими принципами. Даже за большие деньги, какие мне иногда предлагают за всякую ерунду, вроде шпионажа или саботажа. Будто не знают, что для копания в грязном белье вокруг полным-полно детективных агентств. А мы воевали и будем воевать с открытым забралом – это в Менталиберте должен усвоить каждый мудака. Видела последнюю статистическую сводку популярности? Не ту, что администраторы на Бульваре выставляют, а другую – от Независимых Архивариусов? Согласно их опросу, сегодня мы находимся на пятом месте в рейтинге «самые долбанутые экстремалы М-эфира»! Как тебе, а? Да мы аж на три пункта обстаиваем самого Джонни Слэша – этого трахнутого серфингиста, который раскатывает на километровых цунами в квадрате Армагеддон и о котором теперь не знают только грудные младенцы! «Дэс клаб» – это сила, Кастаньета! Да, черт тебя дери, мы такие!

– По-моему, ты просто чокнулся на своих рейтингах и сводках, – хмыкнула Наварро. Она терпеть не могла, когда Демиург впадал в эйфорию от собственной крутизны. Но, положив руку на сердце, готова была признать, что председатель имеет право гордиться и собой, и деяниями своих горячо любимых соратников. – Смотри, а не то лопнешь от гордости, и макаронники никогда не узнают, какой ты великий экстремал. Ладно, давай мне вводные на Южный Трезубец. Пойду, пощечу пятки этой «святой троице»...

Кастаньета не привыкла спрашивать, где Демиург раскапывает для своих авантюры настолько конфиденциальные сведения. Определенно, у председателя имелись хорошие связи в административных кругах Менталиберта. А иначе кто бы еще предоставил толстяку засекреченные координаты квадрата Палермо? Разумеется, Демиург мог вычислить их и случайным методом, как уже не однажды делал это при поиске маршрутов для других прогулок. Только на сей раз случайность однозначно исключалась. Да и вывести точную дату встречи картельной верхушки председатель «Дэс клаба» сумел бы лишь у приближенного к ней человека. Боссы Южного Трезубца собирались у себя в квадрате от силы раз в квартал, а то и реже, и вряд ли обнародовали насчет этого публичный пресс-релиз.

– Работаем по моему любимому сценарию: «*La brusca chica*»¹, – проинформировал Демиург Викторину перед тем, как отослать ее в нужный квадрат, и потер ладони в предвкушении веселья. – Тебе, малышка, не впервой, поэтому обойдешься без советов папочки. Разве что попрошу тебя энергичнее вилять задницей и почаще принимать сексуальные позы. Не забывай: твои подвиги будут документироваться для истории, и разрази меня гром, если после такого видеоклипа «Дэс клаб» не прорвется в трахнутых рейтингах Архивариусов на вторую позицию!..

– Чокнутый! – повторила Викки уже давно всем известный диагноз председателя, однако приняла его рекомендацию к сведению. Кастаньете предстояло сыграть главную роль в коротком, но ураганном боевике, который, будучи записанным на мнемоампулы – кто бы сомневался! – стараниями Демиурга обойдет весь Менталиберт. Поэтому сеньорите Наварро

¹ Крутая девчонка (исп.).

требовалось выложиться как следует, ведь у нее не будет времени ни на репетиции, ни на повторные дубли.

Она никогда не стремилась завоевать своими подвигами лавры суперзвезды и вообще не любила попадать в центр всеобщего внимания. Но сегодня – чего греха таить – было бы крайне обидно ударить в грязь лицом, поскольку когда еще Виктории выпадет жребий на такую головокружительную прогулку. Подобные громкие авантюры «Дэс клаб» проворачивает не каждый день. Многим из друзей Кастаньеты хотелось бы очутиться сейчас на ее месте, чтобы потом без ложной скромности бить себя в грудь и кричать: «Да, ублюдки, я сделал это! Я, а не вы, жалкие неудачники!»

«Проклятье, и впрямь выгляжу как стриптизерша на подиуме!» – недовольно подумала Викки. Она шагала... а точнее, дефилировала, покачивая бедрами, вверх по лестнице, что вела к главным воротам палаццо Деи Нормани. Сообразно сценарию, «крутая девчонка» приделалась в вызывающе красный деловой брючный костюм, подчеркивающий ее грациозную фигуру, но совершенно не стесняющий движений. Длинные, черные как смоль волосы Кастаньеты были собраны на затылке в толстый «конский хвост». В руке Наварро несла объемный пластиковый кейс – ни дать ни взять, адвокатша, что спешит на судебный процесс, загодя придав себе агрессивный настрой. Для пущего эффекта девушке не хватало лишь строгих черных очков. Но, во-первых, она никогда их не носила, а во-вторых, будущей суперзвезде не стоило скрывать от поклонников свое фотогеничное личико, дабы потом какая-нибудь похожая на Викторию самозванка не присвоила себе ее славу, добытую в кровопролитном бою.

А заваруха ожидалась знатная – для этого не требовалось даже заглядывать в сценарий. В реальности налет Кастаньеты на телохранителей боссов Южного Трезубца завершился бы, наверное, и не начавшись. Да и в Менталиберте ей вряд ли посчастливилось бы без поддержки Демиурга миновать даже первый пост охраны, выставленный в главных воротах дворца. Но тем и была прекрасна жизнь в М-эфире, что чудеса здесь не считались чем-то из ряда вон выходящим. Всяк желающий мог заполучить себе в покровители кого-нибудь из тысяч местных божков-креаторов и попросить того явить любое из доступных ему чудес. Имелась бы только на это нужная санкция.

Демиург был не обычным божком, а единственным в своем роде; по крайней мере, об иных подобных ему либерианцах Викки не слыхала. В бытность свою полноценным человеком – то есть обладая вне Менталиберта нормальным человеческим телом, – бессменный председатель «Дэс клаба» послужил креатором не в одной компании по обслуживанию М-эфирного пространства. И весьма талантливым креатором – таким, какие встречались, пожалуй, один на сотню. До того как поменять свое дряхлеющее тело на вечно молодую ментальную оболочку и окончательно переселиться в Менталиберт, толстяк успел поучаствовать в сотворении множества миров. Причем куда более масштабных и сложных, нежели примитивный, по сути, квадрат Палермо.

Обязанности, которые выполнял на своих прежних постах Демиург, заключались в следующем. Ему надлежало следить за порядком в гейм-квадратах, где игроки стремились к достижению максимальных физических либо магических показателей, и планомерно повышать их по ходу игровой кампании. Со времени той скучной, по словам Демиурга, главы его жизни миновал не один год, а сам навсегда покинувший реальность толстяк уже в принципе не мог исполнять обязанности креатора. Однако длительная работа с М-эфиром одарила председателя чем-то вроде профессионального заболевания, такого остаточного синдрома, и теперь Демиург умел выборочно воздействовать на либерианцев так, словно те были его прежними подопечными – игроками гейм-квадратов. Само собой, что под это воздействие, осуществляемое не через сентенсор, а напрямую, попадали не абы кто, а исключительно члены «Дэс клаба».

Применение Демиургом на практике вскрывшихся у него «посмертных» талантов являлось абсолютно незаконным. Креаторам строго запрещалось проводить такие эксперименты на либерийцах вне игровых арен. И даже если бы кто-то из «божков» вознамерился нарушить это правило, он чисто технически не сумел бы вылепить из своего подопытного живую машину смерти. Для борьбы с подобным беспределом существовала масса ограничений, но ни одно из них не действовало на коварного Демиурга. Он мог безнаказанно пересекать М-рубежи и пускаться во все тяжкие до тех пор, пока квадрокопты не начинали кусать его за пятки. А потом исчезал вместе с одноклубниками, оставляя после себя лишь громкую славу о своих подвигах, расходившуюся по Менталиберту в качестве слухов и видеороликов.

За довольно короткий срок «Дэс клуб» превратился в карающий бич, что внезапно то тут, то там обрушивался на различные бизнес- и гейм-квадраты. Дерзкие акции экстремалов не блистали разнообразием и обычно представляли собой вооруженные налеты на закрытые территории вроде Палермо, перестрелки со статистами-охранниками (если таковые имелись) и срыв всевозможных корпоративных мероприятий, праздников, светских раутов и игровых кампаний. При непременном условии: налетчик всегда должен драться в одиночку. По мнению Демиурга, этот кураж ставил членов его клуба на голову выше обычных М-эфирных хулиганов, да к тому же выглядел чертовски стильно и придавал деяниям «Дэс клуба» ярко выраженный индивидуальный почерк.

Впрочем, за этими красивыми принципами скрывалась и вполне прозаическая причина такого поведения налетчиков. Экстраординарные способности председателя являлись отнюдь не безграничными. Демиургу было куда проще наделить немереной боевой мощью одного героя и потом контролировать каждый его шаг в неистовом шоу «Один в поле воин», нежели распределить свою энергию на группу штурмовиков и пытаться уследить за ними в суматохе боя.

Игра – вот чем в действительности занимались Демиург, Кастаньета и их одноклубники. В мире, где обитатели не умирали, а возвращались в родную реальность или же вновь воскресали на Бульваре, все, в том числе и человеческая жизнь, измерялось по особой шкале ценностей. Здесь жизнь была обыкновенной игрушкой, которой следовало забавляться, а не трястись над ней в страхе от того, что однажды она вдруг разобьется и исчезнет. Не ради ли бесконечной игры обозленная на всех и вся Викки заточила себя в Менталиберте? Не сделай она этого, сегодня точно сидела бы в тюрьме, подобно множеству ее соотечественников-басков – людей, не понаслышке знающих о несправедливости мира и готовых отстаивать свои интересы с оружием в руках.

Возможно, в глазах сородичей Виктории ее поступок выглядел малодушным, но она предпочла выпускать ярость, что кипела у гордычки в крови, воюя с ненавистным миром в такой его форме. Кровь либерийцев не пачкала рук, а предсмертные проклятия жертв хоть и звучали искренне, но были опять же только атрибутом этой игры. Кастаньета считала, что лучше мстить за собственные обиды так, чем взрывать бомбы в мадридском метро, где судья-Смерть косила всех без разбора. В том числе тех, кто уж точно не был виноват в обидах Наварро: стариков, женщин и детей...

Какой креаторской «магией» пользовался Демиург, Викки не ведала. Но ощущала она себя под ментальным колпаком председателя прямо-таки древнегреческой богиней побед Афиной Палладой. Сейчас Кастаньету совершенно не волновало, кто стоит у нее на пути: привычные статисты-охранники или настоящие головорезы Южного Трезубца. Несомненно, последние в М-эфирном мире являлись не менее опасными, чем в реальном, но вряд ли им приходилось когда-либо иметь дело с такой стремительной и разъяренной стервой.

«Повезло макаронникам, что я вытянула этот жребий не в свои критические дни, – злобно подумала Наварро, приближаясь ко входу в палаццо Деи Нормани. В своем настоящем облике она не могла зачать и родить ребенка – разве только при посредстве какой-нибудь

дорогущей медицинской программы. Однако хвала высоким технологиям: все биоритмы и инстинкты девушки сохранились в неизменном виде. – Иначе я не только эту банду, но и весь дворец в пыль уничтожила бы».

– *Che figa ?!* – нервно всплеснув руками, выкрикнул Кастаньете оскорбление долговязый парень. Завидев поднимающуюся по лестнице незнакомку, он тут же зашагал ей навстречу, в то время как два его приятеля остались на площадке возле ворот. Викки понятия не имела, как принято сегодня одеваться в гангстерской среде, но в отличие от гостыи эта троица была одета под стать отраженной здесь эпохе, в старомодные костюмы-тройки и широкие кепи. – Эй, *bambina*, откуда ты такая взялась? Тебя здесь ждут? Если нет – *vaiacagare* !

И указал Наварро в противоположном направлении.

У охранников под пиджаками виднелось оружие, но вынимать его громилы не торопились. Стоявшие наверху макаронники пожирали Викторию недвусмысленными взглядами и щерились. Завязка для боевика с Кастаньетой в главной роли выходила каноническая. Сама кинозвезда пока никак не отреагировала на грубость сицилийца и продолжала наступать прямо на него. Слегка опешивший от такого напора верзила сбавил шаг и изобразил недоуменную мину.

– Прочь с дороги, *maricones de mierdas* ! Мне нужны Франко Барберино, Дарио Сальвини и Массимо де Карнерри! – грозным голосом провозгласила Викки, чувствуя небывалый приток адреналина – теперь уже своего, кровного, а не навязанного Демиургом возбудителя.

Руки каждого из головорезов как по команде метнулась за пазуху. Даже если охранники понимали по-испански, вряд ли это была реакция на то, что нахальная девица обозвала их сраными педиками. Яснее ясного, что мордовороты всполошились из-за упомянутых всеу имен своих боссов; имен, которые ни один смертный не имел права произносить в таком дерзком тоне.

В ответ на выпад противников Виктория нажала кнопку на ручке кейса, после чего тот разлетелся на половинки, а в руке у Наварро остался компактный скорострельный пистолет-пулемет «Агила», рукоятка которого служила одновременно и ручкой чемоданчика.

– *Figlia di putana* ! – только и успел выкрикнуть долговязый перед тем, как короткая, выпущенная практически в упор очередь начисто снесла ему голову.

Пользуясь выигранной форой, Кастаньета, почти не целясь, прикончила едва успевших выхватить оружие охранников. А затем рывком расстегнула полы жакета, под которым находился широкий разгрузочный пояс с запасными магазинами, и, перепрыгивая через три ступеньки, кинулась к распахнутым воротам палаццо Деи Нормани.

Викки задержалась перед ними лишь на мгновение: ей приглянулся выроненный одним из головорезов пистолет-пулемет – специальная модель «Вальтера» с идентичным «Агиле» универсальным магазином повышенной емкости и насадкой – ускорителем пуль. В реальности это оружие существовало пока только в виде прототипа, но в Менталиберте оно уже было в ходу – весьма распространенный рекламный ход многих производителей вооружения и прочей техники. Облегченный «Агила» хоть и был оснащен подствольной мини-ракетницей, но позволял управляться с ним одной рукой. Поэтому, заполучив трофей, Викки без труда форсировала свою огневую мощь, получив возможность стрелять с обеих рук одновременно.

Что и продемонстрировала спустя несколько секунд, ворвавшись во дворец неудержимой амазонкой и паля во все, что преграждало ей путь...

Виктория была убеждена, что, едва до боссов Трезубца долетят выстрелы и взрывы, те попытаются слинять из опасного квадрата на Бульвар или попросту отключатся от М-эфира. Этому был обязан воспрепятствовать Демиург, но девушка все равно решила не искушать судьбу и со всех ног припустила напрямик к Палатинской капелле. Благо схема дворца отпечаталась в памяти Викки столь же отчетливо, как координаты ее загрузочного досье. Посред-

ством этих мнемофайлов креаторы института Эберта периодически возрождали либерианку в Менталиберте после ее ментальной гибели. А такое с вечно ищущими неприятностей членами «Дэс клуба» происходило частенько. На сегодняшний день в досье Кастаньеты стояла отметка «дубль четвертого поколения». У некоторых ее одноклубников версия дубля была выше, у некоторых ниже, но «девственной» единицей в клубе был клеймен только Демиург. Он без зазрения совести отправлял под пули товарищей, а сам еще ни разу не пережил процедуру повторного воскрешения. А ведь мог, мерзавец, из дружеской солидарности хотя бы однажды пустить себе пулю в лоб, чтобы испытать всю прелесть перезагрузки своего М-дубля!

Помимо головорезов картеля, во дворце было также полно слуг и официантов. Глупые статисты при звуках канонады начали метаться из угла в угол и падать на пол, старательно отыгрывая роли напуганных перестрелкой невинных свидетелей. Все они были наряжены в белую униформу и сразу бросались в глаза. Так что Наварро имела возможность сортировать цели на явно опасные и потенциально опасные (любой из здешних статистов мог внезапно воспылать героизмом и встать на защиту хозяев своего квадрата) и не тратить понапрасну патроны.

Кастаньета промчалась до входа в Палатинскую капеллу едва уловимой глазу красной молнией, а впереди нее неся куда более стремительный и неотвратимый шквал пуль. Свинцовая волна смела с дороги еще полдюжины противников. Фактор внезапности и бурлящая в жилах девушки энергия позволили ей застать врага врасплох. Но, правда, ненадолго. Бойцы картеля были не чета дешевым статистам-охранникам, услугами которых пользовались владельцы иных квадратов, и быстро сориентировались в изменившейся обстановке. За балюстрадой и колоннами, огораживающими пространство у входа в капеллу, Викки уже поджидал плотный кордон из телохранителей, готовых дать решительный отпор любому, даже многократно превосходящему их по силам противнику.

«Все ясно, – смекнула Виктория, притаившись за колонной и впервые за время атаки перезарядив оружие. – Ублюдки прикрывают боссов, пока те безболезненно эвакуируются из Палермо. Вот удивятся-то итальяшки, когда узнают, что все М-рубежи квадрата заблокированы!»

Демиург превосходно справлялся с этой задачей, иначе клуб сроду не заслужил бы свою одиозную репутацию, поскольку его жертвы неминуемо разбежались бы от карателей по Менталиберту. Чтобы войти или, наоборот, покинуть М-эфир, пользователю требовалось активировать индивидуальный алгоритм входа-выхода. Этот тонкий процесс всегда занимал некоторое время, и во избежание технических накладок либерианцам предписывалось действовать четко по инструкциям. Аварийное отключение от ментального пространства было чревато для пользователя нервным шоком, а насколько он окажется серьезным, зависело от психики конкретного человека. Вряд ли шишкам картеля хотелось заполучить на память об этой встрече малоприятный «сувенир» в виде нервного тика или кратковременного расстройства зрения.

Как и раньше, Демиург возвел вокруг атакуемого квадрата заслон ментальных помех, сбивающий жертвам алгоритм выхода и обрекающий их на заклятие в угоду пресловутому рейтингу популярности, на который буквально молился председатель «Дэс клуба». Викки с усмешкой представила изумление Массимо, Франко и Дарио, которые пытались вырваться из квадрата и с ужасом осознали, что все без толку. Надо полагать, режиссер снимающегося сейчас видеоролика зафиксирует на мнемоноситель ненаигранное смятение боссов Трезубца и непременно вставит эти эффектные кадры в будущий фильм.

Что ж, Кастаньета, проклятая *brusca chica*, настала пора переходить к кульминации этого исторического представления...

Наварро мельком выглянула из-за колонны и оценила обстановку. Очевидно, стерегущие капеллу телохранители решили, что на дворец напала как минимум команда неизвестных убийц. И теперь преградившая Виктории путь компания напряженно присматривалась к каждой тени, стараясь вычислить затаившегося в колоннаде врага. Если это незримое противостояние затянется, сицилийцы наверняка попытаются эвакуировать боссов в безопасный район Палермо, как только те известят охрану, что им не удастся отключиться от М-эфира. Кастаньете нужно было воспользоваться кратковременным замешательством врага и прорваться к его ключевым фигурам до того, как их выведут из дворца через запасную дверь и укроют в неприступном месте.

Ракета, заряженная девушкой в подствольную ракетницу «Агилы», состояла из шести разделяющихся снарядов-кассет, которые в свою очередь разрывались при подлете к целям на тысячи молниеносных игл. Похожая с виду на карманный флакончик дезодоранта, мини-ракета тем не менее обладала огромным радиусом поражения. При разрыве игольчатой кассеты рядом с человеком мгновенный летальный исход был для него неизбежен. Включив на таймере разделителя трехсекундную задержку, Викки высунула оружие из укрытия и, не целясь, выпустила ракету в стену за головорезами. Ракетный наконечник-гарпун вонзился в камень, надежно приклепав снаряд над головами врагов. И не успели они определить, чем пальнул в них противник, как до Кастаньеты долетел сначала хлопок сработавшего разделителя, а сразу за ним – синхронные разрывы разлетевшихся во все стороны кассет.

Судя по звуку разбросанных игл, что осыпали стены, колонны, балюстраду и засевших там телохранителей, перед входом в базилику пронеслась молниеносная песчаная буря. Виктория вздрогнула: одна шальная игла, обогнувшая рикошетом колонну, впилась на излете злоумышленнице в щеку, а еще несколько увязли в волосах и зацепились за одежду. Но это была никчемная неприятность в сравнении с той, что постигла бойцов картеля. Вооруженная компания сицилийцев оказалась не готова к выходке Викки и угодила в накрывший их стальной буран. Кто-то погиб мгновенно, кто-то выжил, но получил множественные повреждения, а кто-то отделался легкими ранениями, но, так или иначе, полностью боеспособных противников на вражеской линии обороны не осталось. Вырвав из щеки чуть было не выбившую ей глаз иголку, Наварро выскочила из-за колонны и бросилась закреплять отвоенное преимущество.

Первыми от свинца Кастаньеты погибли те охранники, что еще стояли на ногах и держали оружие наготове. Воительница прошлась по иссеченной иглами и заваленной телами площадке, подобно газонокосилке, придавая полю боя однообразно мертвый облик. Благодаря усиленному Демиургом, нечеловечески быстрому проворству, Викки завершила расправу еще до того, как первый из подстреленных ей громил упал наземь. «Агила» и «Вальтер» в руках Наварро били короткими очередями и ни разу не промазали мимо цели.

Добив тех, кто подавал признаки жизни, девушка в очередной раз сменила магазины и наострила уши, пытаясь определить, не доносится ли откуда-нибудь топот приближающегося вражеского подкрепления. Но ничего, кроме криков слуг и треска испещренной иглами обваливающейся штукатурки, Викки не расслышала. Однако это не означало, что все телохранители донов были повержены. Не исключено, что кто-нибудь из уцелевших итальяшек подкрадывается сейчас к капелле, намереваясь контратаковать дерзкую киллершу из-за угла.

Где-то внутри часовни раздался грохот перевернутого стола, сопровождаемый звоном битой посуды и падающего на гранитный пол столового серебра. Виктория хмыкнула: экстравагантная блажь нашла на боссов Южного Трезубца – устроить банкет во всемирно известной базилике. Хотя, говоря начистоту, грех, который намеревалась там же учинить Наварро, выглядел куда более тяжким.

Викки прошмыгнула в полумрак капеллы и спряталась за ближайшую колонну. И правильно сделала, что не стала врваться внутрь очертя голову. Едва Кастаньета исчезла из

дверного проема, как в него и по косяку ударил град пуль. Огонь вели как минимум двое стрелков с автоматическим оружием, расположившихся в центральной части помещения. Сомнительно, что это отстреливались боссы или их помощники-консиглиери. С такой многочисленной охраной, выставленной даже в закрытом квадрате, шишкам Трезубца не было нужды таскать при себе оружие. Наверняка в часовне еще оставались телохранители, обязанные надзирать непосредственно за верхушкой картеля.

Кастаньета не стала в ответ палить наугад, вместо этого она замерла и прислушалась.

– Кажется, это девка, – произнес слегка растерянный, но спокойный голос. Акустика в капелле была отличная, и Викки прекрасно расслышала высказанное в другом углу зала замечание.

– Одна? – спросил у говорившего кто-то, уже не такой хладнокровный.

– Думаю, да. Принесла нам сообщение, – ответил тот, кто засек злоумышленницу, и грязно выругался сквозь зубы: – *Incazzata stronza* !

– Как она сюда попала? – поинтересовался у говорившего еще один голос, явно старческий. – И почему не работает связь?

– Наверное, эта потаскуха блокировала наши алгоритмы выхода, – догадался «невозмутимый», после чего окликнул скрывающуюся в колоннаде Наварро: – Эй, чертовка, ты меня слышишь? Кто тебя прислал? Если тебе есть что нам передать, говори сейчас и проваливай, потому что когда я тебя поймаю, ты уже ничего нам не расскажешь. Будешь только визжать и умолять меня не портить твою смазливую мордашку. Тебе понятно?

Кастаньета исполнилась решимости и выглянула из-за укрытия, чтобы провести более тщательную рекогносцировку. Два ряда проходящих через зал колонн были соединены между собой стрельчатыми, упирающимися в сводчатый потолок арками, а где-то у противоположной от входа стены должен был располагаться алтарь. Но ни его, ни иных религиозных атрибутов в базилике не наблюдалось (хоть в этом сицилийцы проявили благопристойность и уважение к оккупированной святыне). Лишь покрытые богатой византийской росписью и ликами святых потолки и стены указывали на то, что Викки очутилась в часовне, а не в обеденном зале, как можно было подумать, взглянув на опрокинутый и превращенный в баррикаду массивный стол в центре капеллы.

Отвечать на вопросы бравирующего макаронника Виктория не стала, поскольку никаких специальных посланий Южному Трезубцу она не приготовила. Единственное ее послание боссам картеля состояло всего из трех коротких пунктов. Для их озвучивания следовало лишь прицелиться в каждого из главарей и нажать на спусковой крючок. А затем, когда у Франко Барберино, Дарио Сальвини и Массимо де Карнерри не останется к Кастаньете никаких вопросов, она может с чистой совестью возвращаться на Бульвар, чтобы в компании одноклубников отправиться в их излюбленный бар «Старый маразматик» и отметить успешное окончание очередной прогулки.

Справа у стены, за колоннами, раздались звяканье и короткое ругательство – очевидно, кто-то споткнулся о рассыпанные по полу столовые приборы. Кастаньету эти негромкие звуки взбудоражили столь же сильно, как и выстрелы. Сицилийцы вовсе не собирались забиваться в угол и ждать, когда «немезида» соизволит предстать пред их очи. Пока кто-то из боссов отвлекал Наварро, их подручные взялись по-тихому обходить ее с флангов. И действительно, могли бы застать Викки врасплох, если бы внимательнее смотрели под ноги.

Выскочи девушка в центральный проход, она неминуемо напоролась бы на плотный кинжальный огонь, поэтому наилучшим для нее вариантом являлся незамедлительный удар с фланга. Обнаруживший себя враг отринул конспирацию и больше не крался, а бежал к цели, все еще надеясь опередить Кастаньету. Она же решила поступить иррационально: проигнорировала очевидную атаку и метнулась к той стене, вдоль которой, по всем признакам, должен был двигаться второй вражеский стрелок.

Предчувствия Викки не обманули: именно там он и находился. Когда Наварро нарисовалась перед сицилийцем, его автомат был нацелен на дверь и загрохотал мгновением позже грянувших в унисон пистолетов-пулеметов либериианки (современное оружие было, пожалуй, единственным отступлением хозяев квадрата от концепции любимой ими ретро-эпохи). Викки спустила курки еще до того, как нарисовалась из-за укрытия, и в момент, когда она стала представлять собой отличную мишень, шквал свинца уже сбил врага с ног. Выпущенная им очередь ушла в потолок, дырявя пусть не настоящую, но все равно изысканную роспись часовни.

Аналогичное варварство учинили и те выстрелы, что раздались мгновением позже за спиной у Кастаньеты. Несколько колонн разделяло Викки и атакующего ее теперь уже с тыла второго макаронника. Он явно смекнул, что его товарищ вышел из игры, и стрелял вслепую, собираясь припугнуть мерзавку и выгнать ее на открытое пространство. Пули защелкали по стене и колоннам в полуметре от Виктории, но она не поддавалась на провокацию и осталась на месте. Она знала, в какую сторону двигается неуклюжий, громко топающий сицилиец, и готовилась опередить его на выстреле, как только он высунет нос.

Однако противник предугадал хитрость Наварро и, не обнаружив цели, поостерегся выскакивать под пули. Викки прикинула, что враг притаился за той самой колонной, где только что отсиживалась она, и теперь суматошно вычисляет, куда направилась коварная бестия. Кастаньета так и оставалась вне поля зрения тех, кто засел за баррикадой, иначе боссы не молчали бы, а сразу выдали телохранителю местонахождение убийцы.

– А ну-ка, мальчик, проверим твою реакцию, – процедила под нос Наварро, после чего размахнулась и швырнула почти разряженный трофейный «Вальтер» через центральный проход в противоположную стену базилики, а сама, пригнувшись, побежала на цыпочках в обратную сторону.

В возникшем на поле брани наэлектризованном затишье звук упавшего на гранитным плиты пистолета-пулемета произвел вполне ожидаемый эффект. Подкарауливающий Викки сицилиец решил, что его обходят сзади, и, выскочив между колонн, выпустил навскидку в направлении подозрительного шума длинную очередь.

Кастаньета и впрямь совершила обходной маневр, только уже бесшумный и по более короткому пути. Клынувший на ее уловку враг спохватился, да поздно. Пули Виктории настигли его, когда он, не прекращая огонь, начал разворачиваться в ее сторону. Лишившийся головы громила прочертил по инерции свинцовой струей окрест себя круг, но при заходе на второй ноги агонизирующего стрелка подкосились, и он рухнул на пол, застыв в неестественной скрюченной позе.

Викки едва успела юркнуть обратно за колонну, чуть было не нарвавшись на шальную очередь. Отбитые пулями каменные осколки брызнули девушке в лицо, и без того заляпанное кровью из проткнутой иглой щеки, и оставили на нем кровоточащие оспины. «Проклятье, – чертыхнулась Кастаньета. – Придется после прогулки вместо похода с приятелями в бар идти к косметологу и очищать свою смазливую мордашку от шрамов. Причем за свой счет. Уж коли вызвалась добровольно участвовать в этой альтруистской акции, значит, никаких финансовых компенсаций от Демиурга и подавно не дождешься. Сама испачкалась, сама и отмывайся – вот так он, поганец, и скажет!»

Обозленная не столько на сицилийцев, сколько на свою неаккуратность, Викки вновь перезарядила «Агилу» – хотелось надеяться, что в последний раз, – и, не таясь, направилась к вражеской баррикаде напрямик по центральному проходу. Глаза Кастаньеты метали молнии, а ноздри трепетали в предвкушении кульминационного момента, пожалуй, самого яркого триумфа в ее жизни, как прошлой, так и настоящей. Девушка вскинула оружие, готовясь покарать любого, кто высунется из-за укрытия неважно с какими намерениями, агрес-

сивными или примирительными. Она и прежде не была настроена на переговоры, а теперь и подавно.

– Ну давай, стреляй, *incoglionita cagna*! – с вызовом прокричал Виктории смазливый моложавый тип с тонкими пижонскими усиками. Он без страха поднялся на ноги и выпятил грудь, давая понять, что ничуть не боится идущую на него убийцу. – Дешевая потаскуха, дочь такой же потаскухи! Клянусь, что как только узнаю твое имя...

И, взмахнув руками, отлетел назад, щедро нашпигованный свинцом.

«Массимо де Карнерри», – узнала Виктория отчаянного макаронника. Из-за спешки она не успела раскопать перед прогулкой М-фото своих нынешних жертв. Вполне возможно, что таких снимков вообще не было в информатории Менталиберта. Мафиозные боссы и их подручные испокон веков славились своей параноидальной скрытностью и позировали перед фотокамерами, лишь попадая на судебные процессы. Информатор Демиурга снабдил его лишь перечнем характерных примет каждой картельной шишки. Внешность их разнилась достаточно сильно, и Наварро можно было не глядеть на остальных донов, чтобы определить, кого именно она прикончила.

Вслед за де Карнерри из-за баррикады неторопливо поднялись еще трое сицилийцев: два худошавых, неприметной наружности типа помогли встать на ноги полному обрюзгшему старику, в коем Кастаньета без труда опознала самого пожилого босса картеля – Франко Барберино. Как звали его помощников, Викки понятия не имела, но желчного, болезненного коротышки Дарио Сальвини среди них точно не было. Разве только он предпочитал находиться в Менталиберте под другой личиной, но это маловероятно. Все участники трехсторонних переговоров наверняка соблюдали единый протокол встречи, и если Массимо и Франко присутствовали здесь в своем оригинальном обличье, значит, М-дубля Дарио это правило тоже касалось.

Франко не стал осыпать Кастаньету проклятиями, просто отпихнул от себя навязчивых помощников и с молчаливым презрением уставился в глаза своему палачу. Впрочем, Викки и не надеялась, что кто-то из сицилийцев будет молить ее о пощаде. И не потому, что все они умирали понарошку и знали, что, получив пулю в лоб, непременно воскреснут. Даже угоди боссы картеля в подобную передрыгу в реальности, вряд ли они вели бы себя иначе. В годы Тотальной Мясорубки один лишь де Карнерри пережил на себя три покушения и несколько месяцев провел в коме. Эти люди не только погубили сотни человеческих душ, но и сами не однажды смотрели в глаза смерти, так что запугать их приставленным ко лбу пистолетом было невозможно ни в реальности, ни тем паче здесь. За пределами Менталиберта, на родине Виктории, жило немало таких же стойких людей, чьи идеалы пусть и разнились с идеалами этих сицилийцев, но полное презрение к смерти делало и тех, и других очень похожими.

Хладнокровно выдержав пронизывающий до костей, лютый взгляд Барберино, Наварро недрогнувшей рукой методично расстреляла сначала Франко, а затем его подручных.

– Сальвини! – крикнула Кастаньета, когда в стенах капеллы улеглось гулкое эхо выстрелов. – Где ты, Дарио?! Решил сыграть со мной в прятки?! А ну выходи и умри, как мужчина! Эй!..

Третий главарь картеля вовсе не прятался и отыскался довольно быстро. Он находился здесь же, за баррикадой. Сальвини сидел, прислонившись к колонне, и выглядел весьма странно. Шестидесятидвухлетний дон – средний по возрасту между пятидесятилетним Массимо и престарелым Франко, дата рождения коего, говорят, была известна лишь ему самому, – больше напоминал уснувшего в подворотне невменяемого пьянчугу, нежели готовую предстать перед карателем жертву. Голова Дарио упала на грудь, левая рука безвольно повисла вдоль тела, а правая крепко уцепилась за ворот рубахи, пуговицы на котором, как заметила Викки, были вырваны с мясом.

– Вот клоун! – презрительно хохотнула Наварро, ткнув Сальвини в висок стволом автомата. – Решил прикинутьсядохлым, да? Думаешь, я решу, что у тебя была при себе ампула с ядом? Не верю, как говорил один русский режиссер! Ладно, дядя, кончай ломать комедию! Встать! Встать, кому говорят!

Виктория пнула недвижимого дона ногой в плечо и тот мешком завалился набок. Голова Дарио стукнулась о гранит, откинулась назад, и на Викки вытаращились два немигающих остекленевших глаза. Сведенная судорогой правая рука Сальвини так и не отцепилась от разорванного ворота. Макаронник и впрямь выглядел мертвым, и потому выдвинутая Наварро версия с ядом вполне могла иметь место.

– *Cojonudo*! – брезгливо поморщившись, ругнулась Кастаньета. – Обалдеть! Неужели действительно подох?

И, с опаской оглядевшись по сторонам, склонилась над телом пожилого сицилийца, в чьих волосах только-только начала пробиваться благородная седина.

Узнать, в каком состоянии находится либерианец, очень просто. Проба пульса, реакция зрачков на свет и дыхание являлись в подобных случаях лишь поверхностными и зачастую необъективными критериями. В некоторых квадратах либерианцы и вовсе не дышали, подчиняясь правилам местных креаторов, которые сочли необязательным создавать свои миры по образу и подобию земной реальности. Единственным стопроцентно точным методом медицинской диагностики любого либерианца был цвет ногтей на руках и ногах. Креатор, отказывающийся подчиниться требованиям администрации Менталиберта поддерживать эту обязательную условность, лишался лицензии на работу с сентенсором и прочим оборудованием для преобразования М-эфира. Поэтому даже в откровенно фантастических квадратах, что моделировали жизнь на других планетах, их экстравагантные обитатели обладали вживленными индикаторами состояния ментального тела. По ним можно было сразу определить, кто перед тобой: «одушевленный» либерианец, его автоном – функционирующий в автономном режиме М-дубль, – или «мертвец», душа коего пребывает в данный момент на Полосе Воскрешения – здешнем Чистилище, через которое проходят все, кто погиб в Менталиберте насильственной смертью.

Впрочем, иных смертей тут и не бывает...

Изучение диагностических индикаторов на теле Сальвини повергло Наварро в очередное замешательство.

Ногти Викки под отключаемым люминесцентным маникюром имели нормальный бледно-розовый цвет – как у любого здравствующего либерианца. Датчики на телах де Карнерри, Барберино и их подручных – озадаченная Виктория проверила все валявшиеся поблизости трупы – окрасились в темно-синий оттенок. Это означало, что души убиенных сицилийцев благополучно отправились на Полосу Воскрешения и через несколько минут возродятся на Бульваре в прежних или новых – на выбор пользователя – ипостасях. Если бы эти типы покинули Менталиберт до того, как Кастаньета нафаршировала их пулями, и оставили ей на растерзание бездушных автономов, все они сверкали бы перед убийцей ослепительно белыми ногтями. Ну а затеяешь вдруг среди мафиози квадрокоп, он продемонстрировал бы хулиганке жетон-голограмму, что высветилась бы из микропроектора, вживленного всем сотрудникам администрации в ногти больших пальцев рук.

Датчики Сальвини были окрашены в незнакомый Кастаньете черный цвет, принятый ей поначалу за люминесцентный маникюр. Обычно при гибели М-дубля эта косметическая функция автоматически отключалась, а раз так, решила Викки, значит, коротышка-босс и впрямь лишь прикидывается мертвым.

– Хорош артист, слов нет. Весьма убедительно сыграно, – похвалила Наварро упрямого притворщика и снова нацелила на него «Агилу». – Что ж, ты заслужил своего свинцового «Оскара».

Автомат пролаял короткую очередь в сердце недвижимого Сальвини. Тот даже не вздрогнул, так и остался лежать в растекающейся под ним кровавой луже, выпучив глаза, согнувшись пополам и вцепившись заостренными пальцами в ворот рубахи.

Кастаньета взяла теперь уже бесспорного покойника за левую ладонь, словно надумала поцеловать ее, оказав тем самым дону последнее почтение, и стала пристально следить за ногтями Сальвини. Прошло полминуты, но их странный цвет остался неизменным. Что это могло означать, Викки не имела ни малейшего представления.

– И черт с тобой! – со злостью выкрикнула Виктория, брезгливо оттолкнув руку мертвеца, словно он попытался ущипнуть девушку за грудь. – Дались мне твои ногти! *Finita la commedia*, пускайте титры! Прощайте, макаронники! Всем спасибо, до будущих встреч!

И, картинно швырнув более ненужный автомат на грудь тел – взбудораженная Викки не забывала, что продолжает работать на публику, – эффектной походкой направилась к выходу. Наварро следовало прилежно доиграть спектакль до тех пор, пока Демиург не активирует ее алгоритм выхода из квадрата.

«Что, съели? – мысленно торжествовала над одноклубниками победительница, красиво покидая сцену. – Попробуйте теперь перещеголять Кастаньету, жалкие неудачники!»

Да, прогулка удалась на славу, и, радуясь этому, Виктория уже через минуту забыла об озадачивших ее странных ногтях бездыханного М-дубля Сальвини. А в это время по ночным улицам реального Чикаго неслась, сверкая огнями, карета «скорой помощи», и лучшие кардиологи города были подняты из постелей и направлены в кардиологический центр на экстренную внеплановую операцию. Которая, к сожалению, так и не состоялась, поскольку больной скончался от обширного инфаркта еще по дороге в госпиталь...

Редко, очень редко посещение Менталиберта заканчивается для пользователя летальным исходом. И сегодня ночью одному из боссов Южного Трезубца Дарио Сальвини было суждено пополнить своим именем этот трагический список. А также открыть другой, не менее черный, написанием которого занялся большой специалист по составлению подобных списков и самая зловещая фигура Тотальной Мясорубки – Доминик «Тремито» Аглиотти...

Глава 2

– Прости, Дом, но дальше нам ехать не стоит, – проговорил виноватым тоном Томазо Мухобойка, припарковав автомобиль у обочины, возле ограды кладбища Монт Оливец. – Федералы вокруг так и рыщут, пасут всех, кто на могилу босса приходит. Лоренцо, пекарь, что неподалеку от меня живет, рассказывал, что даже за ним какие-то типы в костюмах целый день ходили... Да ты и отсюда можешь увидеть, где дон Дарио похоронен.

– Там? – поинтересовался Тремито, указав на находившуюся в двухстах шагах от ограды трехметровую гранитную стелу и выложенный вокруг нее целый курган живых цветов.

– Угу, – кивнул Мухобойка. – Я специально с этого края кладбища подъехал. Пусть отсюда и далеко до могилы, зато народ постоянно толпится, федералам обзор загораживает. Хотя не думаю, что они именно тебя здесь поджидают. Ведь ты для них поди уже два года как официальный мертвец. Шеф бюро на всю страну об этом лично раструбил, я сам в новостях видел.

– Затем и раструбил, чтобы я расслабился и выполз из своей глубокой норы, – пояснил Аглиотти. – Не верят федералы в мою смерть, я это точно знаю. Возможно, лет пять назад и поверили бы, но не при их нынешнем шефе. Этот чертов Макмерфи родную мать похоронит, а потом откопает и перепроверит, умерла она или прикидывается. Ищут они меня, Томми. И еще лет тридцать искать будут, даже после того как я взаправду пойду червей кормить... Ладно, давай помолчим. Все-таки на могилу к другу приехали...

Доминик Аглиотти был на семнадцать лет моложе своего бессменного, а ныне покойного покровителя Дарио Сальвини, но выглядел гораздо старше своих сорока пяти лет. Худощавый, немного неказистый Тремито обладал, однако, несопоставимой с комплекцией физической силой и не раз на своем веку разделявал под орех гораздо более крупных, чем он, противников. В основном безмозглых уличных «быков», чья тупость была прямо пропорциональна их наглости. Те же из них, кто обладал инстинктом самосохранения, предпочитали не связываться с жилистым итальянцем, поскольку уже по его взгляду могли определить – от этого макаронника легко нажать кучу неприятностей.

Тремито и в молодости не отличался привлекательностью, а с годами растерял и те ее крохи, что имелись. Сегодня при взгляде на его изрезанное морщинами, одутловатое лицо можно было подумать, что Аглиотти злоупотребляет выпивкой, но в действительности он всю свою жизнь был сдержан в употреблении спиртного. Большие, до макушки, залысины делали и без того высокий лоб Доминика еще выше, что Тремито, впрочем, не считал недостатком. Наоборот, гладко зачесывал свои длинные черные волосы назад и бриолинил их лаком, словно нарочно привлекая внимание к своей прореженной временем шевелюре. А крючковатый, каким-то чудом не перебитый в неисчислимых драках нос, тяжелые, постоянно полуприкрытые веки и чуть выпяченная нижняя губа придавали Тремито прямо-таки аристократически надменный вид.

Казалось, что Доминик всегда пребывает в расслабленной полудреме, но считать так было очень большим заблуждением. Апатия Аглиотти являлась лишь ширмой. За ней скрывалась крайне жестокая натура, усиленная стальным и в общем-то нехарактерным для сицилийца хладнокровием. Тремито походил на свирепого бойцового пса, что кусает молча, мгновенно пресекает любые агрессивные выпады жертвы, а расслышав жалобный скулеж, впадает в еще большую ярость, которую, однако, прекрасно контролирует. Доминик был из тех людей, кого бесило, когда им начинали плакаться на жизнь или каяться в грехах, а за панибратское с собой обращение он мог и вовсе без разговоров втоптать собеседника в землю. От этого друзей у Тремито было не так уж много, зато каждый из них считал за

честь, что пользуется уважением такого человека, как Доминик Аглиотти, – бывшей правой руки дона Сальвини, а после Тотальной Мясорубки – объявленного в международный розыск опасного преступника, вынужденного залечь на дно и распускать слухи о собственной гибели, дабы не компрометировать своего босса.

Томазо «Мухобойка» Гольджи был давним приятелем Тремито, выросшим с ним в одном квартале и практически повторившим судьбу старшего его на пять лет Аглиотти. Разве только в настоящий момент Мухобойка не разыскивался полицией и потому продолжал находиться при доне Сальвини до самой его нелепой скоропостижной смерти. Неуклюжий туповатый громила Гольджи не являлся доверенным лицом босса, а с уходом в бега Тремито был понижен из телохранителей до обычного сборщика «контрибуций» и вот уже несколько лет собирал мзду с мелких торговцев в подконтрольных Сальвини районах Чикаго. Томазо и известил скрывающегося в пригороде Доминика о трагедии, что стряслась четыре дня назад во время переговоров верхушки картеля в Менталиберте. Разумеется, мелкую сошку Гольджи на эту встречу никто не приглашал, и он понятия не имел, что именно там произошло – подробности таких мероприятий никогда не афишировались. Но по дошедшим до Мухобойки слухам, случившийся у дона Сальвини инфаркт был отнюдь не случаен, пусть даже у Дарио давно наличествовали проблемы с сердцем.

– Всякое болтают, – уклончиво ответил Томазо на расспросы Доминика, встретив того на взятой напрокат машине в условленном месте, куда Тремито прибыл на такси, как только смог выбраться из пригорода. – Сам понимаешь, с той поры, как ты в берлогу залег, меня больше никто в дела благодетеля не посвящает. Хочешь узнать подробности, поспрашивай Горлопана Тони или кого-нибудь из его кузенов – они *там* были и знают, что к чему. Хотя и они вряд ли что-нибудь путное расскажут... Но грызни между «папами» не было, это точно. Если бы они поцапались, то скорее Дарио на пару с де Карнерри свели бы в могилу старого пердуна Барберино. Этот нью-йоркский пузырь давно сдулся, а в Трезубце к его мнению прислушиваются только из-за того, что он тогда всех нас примирил и объединил.

– А что говорит Марко? – осведомился Доминик, имея в виду Марко Бискотти, ближайшего делового советника и секретаря дона Сальвини. – Он же наверняка присутствовал в Менталиберте на встрече тройки.

– Прохвост Приторный тоже помалкивает, – пояснил Гольджи. – Сказал лишь, что Дарио отдал Богу душу из-за обширного инфаркта, да порекомендовал пока сидеть по норам и без особых причин не рыпаться. После похорон Бискотти с целой прорвой адвокатов и юристов укатил на виллу к сеньоре Сальвини, дела покойного дона в порядок приводить. Тут ведь не все так просто. Прямых наследников у благодетеля после Тотальной Мясорубки не осталось, и кто теперь семью возглавит, пока неясно. Его младший брат Руджеро – слизняк и наркоман, которому я с удовольствием пустил бы пулю в башку, дали бы только распоряжение. Кузены и племянники однозначно отпадают – куда этим засранцам до нашего Дарио. Сам Бискотти? Тоже сомнительно. Де Карнерри и Барберино Приторного на дух не переваривают и вряд ли станут считаться с его мнением. Ох, чует моя задница, грядет большой передел, на котором нам с тобой даже крошек не достанется...

Почти четверть часа просидели приятели в молчании у кладбищенской ограды. За это время наметанный глаз Тремито успел дважды заметить проехавшие мимо автомобили с федеральными номерами и один подозрительно неторопливый фургон электрической компании, внутри коего тоже наверняка скрывалась группа слежения ФБР. Толчая на этом участке улицы и впрямь была сильная, поэтому федералы вряд ли с ходу высмотрели бы в припаркованной у обочины машине разыскиваемого преступника. Однако Аглиотти не намеревался искушать судьбу и долго маячить под носом у агентов. Оказав последнее почте-

ние покровителю и другу, Доминик тронул пригорюнившегося Томазо за плечо и жестом велел ему отъезжать.

– Надо бы выпить где-нибудь за упокой старика Дарио, – угрюмым тоном внес предложение Гольджи, оглядываясь в поисках «хвоста». – Как ты на это смотришь?

– Да, неплохо бы, – подтвердил Аглиотти, у которого тоже вертелась в голове аналогичная мысль.

– Отлично, – кивнул Мухобойка. – А то как-то не по-человечески получилось. Да и мы с тобой, наверное, уже полгода не виделись... Вот только где приземлимся? Моя конура со дня похорон наверняка под наблюдением... Давай поедem в бар Плешивого Луиджи. Будь уверен, для нас у этого скряги всегда отдельный кабинет найдется.

Сегодня мобильный видеосет Тремито звонил очень редко – не чаще двух раз в месяц, – а все разговоры по нему обычно ограничивались несколькими завуалированными фразами при полностью отключенном изображении. Время от времени дон Сальвини и немногочисленные приятели Доминика интересовались, жив ли он еще и не нуждается ли в чем-нибудь. Последним входящим звонком для него было послание Гольджи о смерти Дарио, сразу выбившее Аглиотти из неспешного жизненного ритма, к которому тот, признаться, в изгнании уже привык. И потому, когда видеосет в кармане Тремито внезапно издал сигнал вызова, Доминик удивился и сразу насторожился.

Причина на то у него была веская. Видеосет заиграл мелодию, отведенную владельцем для звонков от одного конкретного человека. Того самого, который в данный момент покоился под гранитной плитой и курганом из цветов на кладбище Монт Оливец...

Томазо покосился на напрягшегося товарища, но промолчал. А Доминик извлек из кармана видеосет и, протянув его водителю, продемонстрировал высветившуюся на дисплее заставку. И если пиликающая из аппарата музыка ни о чем Мухобойке не говорила, то изображенный на экране зодиакальный символ Весы оказался для Гольджи знакомым. Именно этим зашифрованным символом отображались на видеосетах каждого члена семьи Сальвини послания ее главы.

(К слову сказать, в Южном Трезубце все поголовно общались по единой видеосвязи так, словно до сих пор жили на заре двадцать первого века и пользовались не высокотехнологичными видеосетами, а старинными мобильными телефонами. Но каким бы глупым ни выглядел этот анахронизм, он помогал картелю хранить множество своих тайн в современном «открытом» мире, где с недавних пор в целях борьбы с преступностью даже в общественных туалетах начали устанавливать видеокамеры.)

– Синьора Сальвини? – предположил Томазо, указав на дисплей с конспиративной заставкой.

– Маловероятно, – отверг Тремито догадку приятеля. – Кроме покойного Дарио, мой номер был известен только тебе, Чико Ностромо, Косматому Джулиано и, вполне вероятно, Марко Бискотти... Говоришь, он сейчас на вилле утрясает дела с вдовой? Значит, теоретически Приторный может связаться со мной по видеосету дона Сальвини. Только почему Марко не сделал это со своего аппарата?

– Наверное, тебе лучше ответить, – посоветовал Гольджи замешкавшемуся товарищу.

– А вдруг нас пытаются запеленговать федералы? Вдруг они сумели заполучить видеосет Дарио, разблокировали адресный справочник и теперь называют по всем номерам из списка?

– Ну... не знаю, – засомневался Мухобойка, инстинктивно обернувшись при упоминании Домиником ФБР. – Сам решай, как быть.

– Ладно... – Аглиотти занес палец над сенсором приема вызова. – Сделаем так: как только я почую хотя бы легкий запах тухлятины, сразу выбрасываю аппарат и мы замечаем

следы. Езжай-ка вон на тот мост и держись все время в крайнем ряду. Если что, швырну видеосет прямо в реку.

Томазо послушно свернул на мост через Чикаго-ривер, сбавил скорость и повел автомобиль у самого тротуарного бордюра. Пока водитель менял курс и перестраивался, видеосет Доминика не переставал трезвонить. Кто бы ни хотел побеседовать с Аглиотти, он был крайне настырен, и это Тремито тоже не нравилось.

Наконец он исполнился решимости и ответил на вызов. Заодно включил и громкую связь, дабы не пришлось потом пересказывать Мухобойке содержание беседы. Начинать разговор первым Доминик благоразумно не стал и, активировав сенсор приема, замер в ожидании, когда загадочный собеседник подаст голос.

– Это диспетчер агентства по аренде рефрижераторов «Альбано»? – сразу же любопытствовали на том конце линии.

– Кто говорит? – задал встречный вопрос Аглиотти. Прежде чем дойти до ушей незнакомца, его голос пропускаться через ультрасовременный – на порядок дороже самого видеосета – звуковой конфузер, который радикально менял не только тембр, но также интонации и манеру речи. Сейчас опознать Доминика по голосу не сумели бы даже самые крутые эксперты-акустики в мире.

– С вами говорит директор юго-западного профсоюза дорожных грузоперевозчиков Смит, – ответил связавшийся с Тремито человек.

Глаза Гольджи округлились, а сам он едва не врезался в бампер впереди идущего автомобиля – настолько ошарашило Мухобойку заявление незнакомца. Аглиотти тоже сильно удивился услышанному, но по его хладнокровной реакции это было не заметно.

– Вы действительно представляете юго-западный профсоюз, мистер Смит? – на всякий случай переспросил Тремито.

– Именно так, – подтвердил «профдеятель». Видеосет дона Сальвини был оборудован аналогичным конфузером, поэтому, находясь у аппарата даже его хозяин, он тоже зашифровал бы свой голос до неузнаваемости. Но в данный момент приятели меньше всего надеялись услышать своего покойного покровителя.

– Диспетчер «Альбано» вас слушает, – дал таки Аглиотти собеседнику утвердительный ответ.

– Отлично, – резюмировал «представитель». – Послушайте, мне необходимо арендовать у вас грузовой трейлер для перевозки замороженных морепродуктов. Вы могли бы мне в этом помочь?

– Кто порекомендовал вам наше агентство, мистер Смит?

– Наш общий знакомый – первый заместитель директора северного профсоюза. Вы удовлетворены ответом?

– Вполне, – ответил «диспетчер». – И да – мы можем помочь вашей проблеме. Вы знаете, по какому адресу находится наш офис?

– Да, я в курсе.

– Тогда встретимся там через два часа, – подытожил Тремито.

– Давайте лучше через четыре, – попросил «Смит».

– Через два, – отрезал «диспетчер». – Иначе подписание договора не состоится.

– Хорошо, я буду у вас через два часа, – не стал упрямиться «представитель». – В таком случае, до скорой встречи.

Доминик не ответил на прощание, молча нажал на сенсор и разорвал связь.

– Ты не сказал мне, что Массимо де Карнерри до сих пор в Чикаго. – Спрятав видеосет в карман, Аглиотти пристально посмотрел на приятеля.

– Но я сам об этом впервые слышу, Дом! – начал оправдываться Гольджи. Звучало не слишком убедительно, но, когда Мухобойка получал от Тремито упреки, он всегда волно-

вался сильнее обычного, даже если говорил правду. – Откуда я мог знать, что Щеголь не улетит домой сразу после похорон, а задержится у нас аж на целую неделю!..

Оба приятеля моментально смекнули, кто такой этот человек из юго-западного профсоюза. Говоривший по видеосету Сальвини тип был досконально знаком с шифром чикагской семьи и, пользуясь им, сумел представиться Доминику как положено. Раньше в подобных беседах Дарио всегда играл роль директора северного профсоюза перевозчиков. Семья де Карнерри контролировала значные территории Калифорнии и Невады, так что, по логике, назвавшись «юго-западным», Массимо был совершенно прав. Его поручитель – замдиректора «северных» – являлся, без сомнения, Марком Бискотти. Он же поведал Массимо о месте редких в последние годы встреч Тремито и его ныне покойного покровителя. Выражение «я хочу арендовать трейлер для морепродуктов» как раз и было закодированным предложением встретиться, причем безотлагательно.

Раньше Доминик ни под каким видом вот так спонтанно и без санкции дона не согласился бы на свидание с членами некогда враждебного клана. Ничего хорошего за такими сомнительными мероприятиями, как правило, не стояло. Но поскольку сегодня Аглиотти оказался фактически брошенным на произвол судьбы, а встречу с ним назначил сам глава клана де Карнерри, да еще при участии консиглиери чикагской семьи, игнорировать такое предложение было нельзя.

Пойти на это свидание следовало хотя бы затем, чтобы прояснить текущую обстановку. Конечно, Тремито не исключал и то, что Щеголь и Приторный попросту прикончат его, как ненужную обузу, дабы отвлечь от картеля лишнее внимание федералов. Но Доминик давным-давно смирился с тем, что рано или поздно семья вынесет ему смертный приговор, ибо даже дон Сальвини не мог не признать прагматичность такого решения. И признал бы однажды, не прикончи его самого проклятый инфаркт. Аглиотти терпели в живых только из уважения к его прошлым заслугам. Но теперь ситуация кардинально изменилась, поэтому, направляясь в Чикаго, Тремито был почти уверен, что уже не вернется на так понравившуюся ему тихую окраину. Он чуял: его конец близок, и не собирался юлить и прятаться, отсрочивая этот момент. Более того, Доминик твердо знал, что почувствует громадное облегчение, когда это случится.

– Ну так что, куда тебя везти? – в нетерпении поинтересовался Гольджи.

– Ты уже в курсе куда. Туда, где я полгода назад в последний раз виделся с Дарио, – ответил Аглиотти и, устало откинувшись на спинку сиденья, спросил: – Какое сегодня число, Томми?

Мухобойка ответил и в свою очередь осведомился: «А что?»

– Обычное любопытство. Хочу знать, что напишут на моем могильном камне, – мрачно усмехнувшись, пояснил Доминик.

– И что тебе это даст... *там*? – хмыкнул Мухобойка, ткнув пальцем в крышу автомобильного салона.

– *Там*! – поправил его приятель, указав глазами в пол. – Просто буду всегда в этот день отмечать в Аду свой день рождения. Других-то праздников в Преисподней наверняка нет...

В нужный час у служебного входа ресторана «Равенна» уже топтались в ожидании и делали вид, что беседуют, два серьезных типа в неброской одежде и солнцезащитных очках. Вроде бы парни выглядели абсолютно спокойными, но, понаблюдав за ними некоторое время, Тремито заметил, что они нервничают. Оба поминутно озирались и провожали напряженными взглядами горожан, проходящих мимо ворот хозяйственного двора ресторана.

Парочка была явно в курсе, кто должен сюда пожаловать. В годы Тотальной Мясорубки не было страшнее врага для клана де Карнерри, чем Доминик Аглиотти – первый

головорез семьи Сальвини, специалист по *dimostrativi assassini* – показным убийствам, главному средству устрашения агрессивных конкурентов. Длительный межклановый конфликт серьезно потрепал все без исключения семьи, и большинство их молодых членов знали о такой легендарной личности, как Тремито, только понаслышке. Однако слава о человеке, устроившем некогда самую крупную бойню в истории американского криминального мира, все еще жила.

Встречающие Доминика шестерки де Карнерри имели все основания опасаться поджидаемого ими гостя. Массимо сильно рисковал, идя на контакт с Аглиотти. После смерти своего покровителя Тремито мог запросто сойти с катушек и припомнить бывшим врагам (а бывшим ли на самом деле?) все застарелые неотомщенные обиды. Самое страшное для Щеголя и его людей заключалось в том, что сегодня Доминику было совершенно нечего терять и, надумай он потряхнуть стариной, уже никто на этом свете не сумел бы его образумить.

Мухобойка высадил приятеля неподалеку от ресторана и снова задал вопрос, с которым обращался к Тремито совсем недавно:

– Дом, ты точно уверен, что мне не надо с тобой идти?

– Все в порядке, Томми, – ответил тот, не изменив за последние полчаса своего решения. – Даже если это ловушка, она устроена только для меня и захлопнется в любом случае или сейчас, или днем позже. Тебе нет нужды вставать между мной и Щеголем. Не забывай о Патриции и детях.

– Черт тебя подери, Дом! – Гольджи в бессильной злобе стукнул кулаком по рулевому колесу. – Ладно, валяй, приятель. И это... я не прощаюсь! Покатаюсь пару часов по округе. Позвони, когда все закончится.

– Не прощаемся, Томми, – согласно кивнул Тремито. – Непременно позвоню, будь уверен.

– Дьявол! – ругнулся напоследок Мухобойка и, отъехав от тротуара, покатил по улице в сторону набережной. Доминик проводил его взглядом и не спеша побрел задворками к служебному входу в «Равенну».

Завидев визитера, маячившая за решетчатыми воротами парочка без вопросов впустила его во двор, после чего один из головорезов указал Тремито на открытую дверь, ведущую в подсобные помещения ресторана. Аглиотти не однажды бывал здесь и отлично знал, куда идти, но теперь он фактически вступил на территорию потенциального врага, и разгуливать по ней в одиночку Доминику не позволялось. Один громила из группы внешнего наблюдения – тот, что покрупнее, – направился следом за гостем, чуть ли не дыша ему в затылок.

«Сопляк! – презрительно подумал о нем Аглиотти. – Небось еще вчера у школьников мелочь отбирал. Вот обидно, если Щеголь назначил моим палачом именно тебя. Лучше бы, конечно, это сделал кто-нибудь из стариков, у которого остались со мной старые счеты. Так было бы гораздо справедливее... Хотя, кто знает, возможно, что ты, мальчик, и есть сын одного из тех, кого я когда-то...»

– Стоять! – приказал громила. Голос его звучал бы весьма внушительно, если бы при этом не дрожал.

Доминик повиновался, невольно отметив, что темный, идущий к мясоразделочному цеху коридор весьма удобен для казни. И кровь на полу не вызвала бы никаких подозрений. Впрочем, реши провожатый пустить Тремито пулю в затылок, он не остановил бы жертву, а разнес ей голову без предупреждения. Как сам Аглиотти поступал до этого неисчислимое количество раз.

Громила потребовал у гостя встать лицом к стене и поднять руки. А затем дотошно, безо всяких металлоискателей, обыскал Доминика от волос до обуви, заставив снять туфли,

чтобы осмотреть стельки и подошвы. После чего остался недоволен нулевыми результатами обыска и грозно поинтересовался:

– Ты что, пришел сюда без оружия?

– Разве мы враги? – ответил вопросом на вопрос Аглиотти, чей «походный арсенал» остался в машине у Мухобойки.

Провожатый отказался проинформировать Тремито, в каком статусе гость будет присутствовать на встрече, отобрал у него для пушей безопасности видеосет и портмоне с фальшивыми документами и велел двигаться дальше.

Официально ресторан «Равенна» не принадлежал никому из членов Южного Трезубца. Также они никогда не посещали его и в качестве простых посетителей. Для этого картель использовал другие, более уважаемые заведения, о которых было известно и полиции, и репортерам. Там семья Сальвини и приезжающие к ней с визитами представители других семей пышно отмечали свадьбы (после перемирия все три семьи успели не единожды между собой породниться), дни рождения и прочие праздники. В общем, нарочито старались, чтобы каждая собака в городе запомнила, где располагаются традиционные места увеселений сорящих деньгами макаронников. Демократичная по ценам и скромная по убранству «Равенна» была для этого чересчур непритязательной.

Однако мало кто был в курсе, что, купленный картелем через подставных лиц, в действительности этот прибрежный ресторанчик принадлежал Трезубцу до последнего гвоздя. Именно здесь сицилийцы проводили все свои секретные встречи и переговоры, держа для этих целей постоянно зарезервированным один из банкетных залов – небольшой, но отличающийся изысканной отделкой. Попадая в «Равенну» либо через гараж, либо, как Аглиотти, минуя хозяйственный двор, ее подлинные хозяева не светились на публике, и даже завсегда-таи ресторана не подозревали, какие важные люди порой заседают с ними под одной крышей.

Пройдя через мясоразделочный цех (с каждым шагом шансы Доминика получить пулю в башку становились все меньше и меньше, чему он, несмотря на непоколебимую готовность умереть, все-таки обрадовался), Тремито и его сопровождающий поднялись по служебной лестнице на второй этаж и направились по устланному дубовым паркетом коридору. «Итальянский зал» располагался в самом его конце. Возле двустворчатых, отделанных золотом дверей несли вахту еще двое охранников, в одном из которых Доминик узнал бывшего телохранителя дона Сальвини, Горлопана Тони. Аглиотти не сомневался, что Приторный тоже прибудет на встречу, но начал беспокоиться, встретив по пути сюда лишь людей де Карнерри. Теперь вроде бы все прояснилось: представители семьи хозяев были здесь, а значит, беседа пойдет по всем правилам.

Для телохранителя Тони был даже слишком умен. В отличие от его многочисленных узколобых кузенов, занимающихся той же работой, Аглиотти относился к Горлопану более-менее уважительно. Тони платил ему той же монетой. Но сегодня Тремито не слишком надеялся на то, что в случае заварухи приятель встанет на его сторону. Доминик чувствовал, что смерть благодетеля поколебала прежнюю внутрисемейную атмосферу доверия, и хорошо, если со временем все вернется на свои места. Неважно, будет тогда жив Аглиотти или нет. В любом случае, он желал семье Сальвини благополучно разрешить все свалившиеся на нее неурядицы.

– Тони! – кивком поприветствовал Тремито старого знакомого.

– Проходи, Дом. – Горлопан кивнул изгнаннику в ответ и распахнул перед ним дверь. Провожатый отстал от Доминика еще на середине коридора, и в зал для встреч гость вошел один. То есть как равноправный участник переговоров, а не доставленный на взбучку к боссу провинившийся член семьи. Именно так выглядел Тремито с идущим у него за спиной громилой.

В Тотальной Мясорубке лишь семью де Карнерри угораздило потерять своего *saro* – дона Джузеппе, отца нынешнего главы клана Массимо (Тремито был непричастен к тому громкому убийству, а иначе Щеголь уже давно свел бы с ним счеты, невзирая ни на какое перемирие). Этим и объяснялось то, что Щеголь являлся самым молодым из трех боссов Южного Трезубца. Как всегда одетый в немыслимо дорогой костюм, надушенный одеколоном и красующийся идеальной укладкой волос, Массимо не считал зазорным выйти навстречу Аглиотти, чтобы пожать ему руку. И хоть сделано это было без особого дружелюбия, Доминик воспринял рукопожатие Щеголя за очередной добрый знак. Кажется, Мухобойка все-таки дожидется сегодня звонка от своего приятеля Тремито...

Вслед за де Карнерри гостя поприветствовал находившийся тут же Марко Бискотти. В присутствии главы дружественного клана Приторный вел себя скованно, пусть и представлял на переговорах сторону хозяев. Но в этом не было ничего необычного. Даже старик Барберино и Дарио Сальвини тушевались в обществе бесцеремонного говорливого Щеголя, чего уж говорить о скромном консиглиери Бискотти, чей удел – заниматься разрешением скучных экономических и юридических вопросов. Да, в настоящий момент он держал в руках бразды правления покойного босса, но для Массимо слово Марко весило не больше, чем мыльный пузырь. Поэтому Аглиотти и не полагался на Приторного как на своего заступника, разве только мог, если что, обратиться к нему за консультацией.

– Присаживайся, Доминик, – пригласил Марко гостя с оглядкой на де Карнерри, который чувствовал себя в «Равенне» куда увереннее хозяев. – Скоро принесут обед. Налей пока себе чего-нибудь выпить.

«Действительно, почему бы не выпить?» – подумал Тремито и не стал отказываться от приглашения. Усевшись за находившийся в центре зала круглый стол, Доминик взял один из стоявших на нем бокалов и наполнил его розовым мускатом – таким же, каким они с доном Дарио угощались за этим столом полгода назад. Щеголь и Приторный, судя по початой бутылке употребляемого ими аперитива, пили уже по второй порции. Поздоровавшись с Аглиотти, они вернулись за стол, к своим недопитым бокалам, и, прежде чем завести разговор, пригубили еще немного вина.

– Я слышал, Тремито, что теперь ты – законопослушный богобоязненный гражданин, – начал Щеголь, промокнув салфеткой губы и тонкие усики, больше похожие на выщипанные брови красотки. – Живешь в милом пасторальном домике, стрижешь газон, выращиваешь кактусы, а по воскресеньям посещаешь церковную службу. Честно сказать, я долго смеялся, когда мне рассказали эту занятную историю.

– Это правда, – подтвердил Аглиотти, потягивая мускат. – Кроме того, что Тремито стал богобоязненным и ходит в церковь. Бога я не боюсь – ему уже нечем меня напугать. А мессы я и раньше не посещал, так что сегодня подавно не вижу смысла осквернять своим присутствием святую обитель.

– Действительно, не всякий патер сумеет выслушать твою исповедь и при этом не повредиться рассудком, – усмехнулся Массимо. – Извини за нескромный вопрос: как вообще тебе спится в последние годы? Кошмары не мучают?

– Я – заочный мертвец, поэтому и сплю, как покойник, – ответил Доминик, на лице которого не дрогнул ни единый мускул. – А покойники не видят снов, можете мне поверить. При всем уважении, сеньор де Карнерри, не лучше ли нам перейти непосредственно к делу? Ведь вы пришли сюда не для того, чтобы на моем примере попробовать себя в роли психоаналитика, верно?

– Не обижайся, Тремито, – махнул рукой Щеголь. – Трудно, знаешь ли, поверить, что Кровавый Мичиганский Флибустьер – кажется, так прозвали тебя газетчики после резни на барже «Аурелия»? – утомился и под старость взялся за разведение кактусов... Ладно, не будем копаться в прошлом – в конце концов, какая нам обоим сегодня от этого польза? В

настоящем проблем тоже хватает, вот о них и потолкуем. Полагаю, ты еще не в курсе, что вчера между мной, Марко и вдовой дона Дарио была подписана договоренность о передаче бизнеса семьи Сальвини в управление семье де Карнерри. Ты разумный человек, Тремито, отлично разбираешься в нашей политике и способен понять, что иного выхода у нас не было. В последние годы мы полностью забыли взаимные обиды, породнились и теперь живем в нерушимом мире, поэтому такое развитие наших дальнейших отношений – и деловых, и родственных – является единственно приемлемым для обеих сторон. Гибель дона Сальвини произвела в Южном Трезубце большую сумятицу и вынудила наших врагов зашевелиться. Чтобы как можно скорее восстановить стабильность и не потерять контроль над нашими общими территориями, нам пришлось так поступить. Марко согласился стать моим управляющим в Чикаго и продолжать вести дела вашей семьи. Ближайшие пару лет мы поживем при таком раскладе, а дальше поглядим, что из этого выйдет.

Дон Массимо развел руками – дескать, ничего не попишешь, такова реальность, – и замолчал, ожидая, как прокомментирует это известие Аглиотти. Никто не спрашивал Доминика, согласен он или нет с принятым в верхах решением, – мнение Тремито и прочих голворезов в подобных геополитических вопросах отродясь не учитывалось. Но несмотря на свою показную беспардонность, Щеголь не переступал рамок приличия и умел быть дипломатичным, когда требовалось расположить к себе собеседника.

Аглиотти плеснул себе еще вина, равнодушно посмотрел, как оно искрится на свету, и только потом заговорил:

– Не Тремито судить, правильное это было решение или нет, синьор де Карнерри, и во что вы со временем превратите Трезубец: в Рогатину, а возможно, и в Пику, учитывая, что я не вижу здесь дона Франко. Я всю жизнь служил семье Сальвини, и если теперь она и семья де Карнерри – суть единое целое, что ж... Я только рад. Никому из нас больше не нужны все эти войны, разве не так? В последней из них вы потеряли отца и брата, дон Дарио – троих сыновей, и у дона Франко погибло немало родственников. Я тоже заплатил достаточно высокую цену за пролитую мной чужую кровь. По-моему, этого вполне хватит, чтобы понять – политика войны не выгодна для успешного ведения дел. Ситуация, в которой мы сегодня очутились, – прямое следствие Тотальной Мясорубки, от которой наши семьи оправятся еще очень не скоро... Однако мне послышалось, или вы и впрямь сказали, что дон Сальвини погиб, а не умер?

– Совершенно верно, Тремито, – согласился Щеголь. – Твой благодетель действительно был убит во время виртуальной конференции. Как, впрочем, и все мы погибли в тот день в квадрате Палермо от пуль какой-то психованной, давно не траханной *cagnetta*. Мнемозапись о ее подвиге уже вовсю гуляет по Менталиберту! *Cazza roba*! – Массимо нервно всплеснул руками, едва не уронив стоящий перед ним недопитый бокал. – Да, Тремито, это так! Вот только я и Франко, получив по дюжине пуль, отключились от М-эфира и теперь живы-здоровы, а слабое сердце бедняги Дарио не выдержало потрясения и остановилось! Знаешь, когда тебя дырявят из автомата в виртуальном мире, ощущения ненамного отличаются от тех, что ты переживаешь в реальности. Хоть мир и ненастоящий, а ведь больно, да еще как, черт возьми! Если кто из нас и должен был тогда умереть, то это старик Барберино, но никак не Дарио! Пресвятая дева Мария, упокой его благородную душу!

Де Карнерри воздел глаза к небу и перекрестился.

– О какой психованной сучке вы говорите? – переспросил Аглиотти. – И что вообще произошло с вами в Менталиберте? Наверное, вы можете поделиться со мной этой тайной, раз она уже облетела весь М-эфир.

– Да, теперь подробности нашей виртуальной гибели склоняют все, кому не лень, – тяжело вздохнул Массимо. – Сказать по правде, мы даже не уверены, была ли это настоящая девка, или же над нами поглумился какой-нибудь педик, напавший М-дубль с *figa* и сись-

ками. Говорят, в этом проклятом ментальном пространстве каждый третий пользователь – с замашками трансвестита. Единственное, что мы пока вывели из той записи о настоящей личности убийцы: она или он ругается по-испански. Не бог весть какая зацепка, но может вполне статься, что это – родной язык девицы с автоматом. Раз уж ты решил разозлить наших парней, почему не переключил переводчик М-дубля на итальянский? Забыл в горячке? Не факт, но на правду похоже...

Подали обед. Дождавшись, пока официанты закончат сервировку, де Карнерри отпустил их, предпочтя обслуживать себя сам, лишь бы только говорить без лишних свидетелей. Во время еды он в деталях поведал Доминику о разразившейся пять дней назад трагедии, предсказать которую было попросту нельзя. Все случилось прямо как в дурацком гонконгском боевике: какая-то смазливая киллерша в красном костюме беспрепятственно просочилась сквозь М-рубеж квадрата Палермо, не таясь вошла в палаццо Деи Нормани и из автомата перебила всех, кто находился во дворце, не обратив внимания разве что на кукол-статистов. Сделано это было с неслыханной наглостью, а сама бойня продлилась от силы пять минут. Жертвы инцидента отделались нервным потрясением, кроме, разумеется, несчастного дона Сальвини, чье слабое сердце, увы, не вынесло приключившегося с Дарио убийства «понарошку». А дерзкая *cagnetta* записала все свои бесчинства на информационный носитель – мнемоампулу – и теперь тиражирует и распространяет их в М-эфире. Между прочим, по неплохой цене в десять кликов – так вроде бы называется официальная валюта Менталиберта. Короче говоря, имело место происшествие, за которое в старые добрые времена любая семья объявила бы обидчику и всей его родне кровавую вендетту, однако в случае с доном Дарио все складывалось крайне запутанно и неоднозначно...

В «Равенне» готовили превосходную лазанью с устрицами, но для Доминика обед оказался безнадежно испорчен. После вскрывшихся подробностей смерти благодетеля в душе Аглиотти вновь свернулся комок, который всегда зарождался там, когда Тремито сообщали о насильственной смерти кого-либо из членов его семьи. Терзающее его чувство было болезненным еще и из-за того, что за последнее время сицилиец успел изрядно от него отвыкнуть. В годину Тотальной Мясорубки Доминик постоянно жил с таким остроугольным камнем на сердце. Но теперь, после того как он, казалось бы, окончательно рассосался, его внезапное появление вызвало приступ неуверенности. А с ней – приставучей мерзкой стервой – Тремито всегда избегал близких отношений.

Жизнь научила Аглиотти дробить этот камень и начисто сметать с души его колючие обломки. Причем даже чище, чем сицилиец сам порой ожидал. Для этого требовалось лишь отыскать причину своего беспокойства и безжалостно ее уничтожить. Хотя бывали и исключения. Как, например, в случае с баржей «Аурелия», где такой метод устранения проблемы не принес желанного успокоения. Но тот эпизод в жизни Тремито был отнюдь не рядовым, да к тому же Мичиганский Флибустьер заранее знал, что учиненная им в чикагской гавани кровавая баня однозначно подарит ему билет на электрический стул. Навязчивые мысли о мрачных последствиях и не позволили Доминику расслабиться после той, надо отметить, прекрасно выполненной работы...

– Что ж, теперь понятно, почему вы искали со мной встречи и посвятили меня в свою тайну, – сказал помрачневший Аглиотти, отодвинув тарелку и вытирая салфеткой пальцы. – Вам нужен человек, который стоит за психованной стервой в красном. Либо доказательства того, что владелец ее М-дубля скончался мучительной смертью, умоляя вас и синьору Сальвини простить его грехи.

– Все правильно, Тремито. Именно за тем ты и здесь, – подал наконец голос молчавший до сего момента Марко Бискотти, аппетит которого после рассказанной истории ничуть не расстроился. – Думаю, мы в тебе не ошиблись и ты готов оказать нашим семьям столь привычную для тебя услугу. Или я не прав?

– Я никогда не отказывал семье в ее просьбах, Марко, и ты это прекрасно знаешь, – категорично, но не повышая тона, заявил Доминик. – Даже когда дон Дарио отправил меня на верную смерть против сорока боевиков Барберино, что хотели тайком проникнуть на нашу территорию в трюмах «Аурелии», я не сказал ни слова против. Не скажу и сегодня. Однако вам должно быть известно, что Тремито – профан во всем, что касается современных ментальных технологий. Мой сын... – Аглиотти осекся, поморщился, будто пережил кратковременный болевой приступ, после чего поправился: – Мой *покойный* сын – вот он действительно разбирался в этом, потому что любил посещать всякие М-шоу и прочие детские забавы, какие есть в Менталиберте. А я не имею ни малейшего представления, как разыскать конкретного человека по его М-дублю. Тремито не технический специалист и не сыщик – он всего лишь исполнитель грязной работы. Снабдите меня исчерпывающей информацией о нужном вам человеке, и я приведу его в самый короткий срок. В противном случае этот срок может сильно затянуться... И еще есть кое-что, о чем вам также не надо напоминать. После моего побега из Синг-Синга я, мягко говоря, ограничен в перемещениях по стране. Здесь, в Чикаго, у меня достаточно убежищ; есть пара-тройка надежных мест в соседних штатах, но из более дальней поездки я, пожалуй, уже вряд ли вернусь. Так что примите к сведению эти обстоятельства, прежде чем отправлять меня на поиск убийцы дона Дарио.

– А как насчет короткого путешествия в Миннеаполис? – осведомился де Карнерри. – Никаких поисков. Работа исключительно по твоей части. Приезжаешь, делаешь свое дело и отбываешь назад.

– Значит, вы уже выяснили, где живет эта *cagnetta* в красном? – Аглиотти подался вперед, водрузил локти на стол и сложил пальцы домиком, что всегда выражало у Тремито глубокую заинтересованность обсуждаемой темой.

– Нет, – помотал головой Приторный. – В Миннеаполисе проживает человек, который, вероятно, знает все об интересующем нас объекте. И который в определенной степени причастен к гибели дона Сальвини – данный факт не подлежит ни малейшему сомнению.

– Миннеаполис... – Тремито наморщил лоб и задумчиво потупился. – Далековато, конечно, но я найду этого человека и выбью из него все, что нам нужно. Кто он такой? Технолог по работе с М-эфиром?

– Не совсем. Профессор экспериментальной нейрохирургии Элиот Эберт. В прошлом году ему исполнилось восемьдесят пять, и он является директором основанного им же частного института по изучению мозга. Заведение это находится неподалеку от города, на берегу Миссисипи. Небольшое двухэтажное здание, охраняемое пятью охранниками. Трое патрулируют периметр, а двое дежурят в корпусе...

– Постой, Марко, к чему мне эти подробности? – перебил его Доминик. – Ваш Эберт, он что, сидит в своем институте безвылазно? Выловлю дряхлого докторишку-мозгоправа по пути на службу или дома. День на слежку, день на все остальное. Ну, в крайнем случае прибавь еще сутки на непредвиденные задержки.

– Разобраться с Эбертом – это только полдела, – уточнил Бискотти. – Вторая половина работы будет заключаться в уничтожении архивов института, записанных на мнемографических накопителях и расположенных в левом крыле здания. Там же находятся лаборатории по исследованию ментального пространства и М-транслятор. Их и архивы требуется ликвидировать во что бы то ни стало. Если будешь испытывать дефицит времени, можешь даже оставить профессора в покое, лишь бы только успеть добраться до институтской базы данных.

– По-моему, я чего-то недопонимаю, – признался Аглиотти. – Какое отношение эти накопители имеют к нашей проблеме? Я допрашиваю Эберта, он наводит нас на объект; мы находим объект; тот поет нам прощальную песню и удаляется кормить рыб. По крайней мере, раньше подобные проблемы решались так.

– Позволь объяснить, Тремито, – ответил Щеголь, закончив обед и раскуривая сигару. – С тех пор как мы начали серьезно обращать внимание на развитие М-эфира и связанных с ним технологий, в Менталиберте постоянно находятся резиденты картеля. Они следят за всем, что так или иначе попадает в сферу интересов Южного Трезубца. Публичные дома, игорные заведения, сбор компромата на интересующих нас лиц... Все как в реальности. Мир Грез – перспективный источник дохода, пройти мимо которого нам никак нельзя. Сам понимаешь, что в последние дни наши люди не сидели без дела и провели свое расследование происшествия в квадрате Палермо. Собственно говоря, от этих резидентов мы и узнали о причастности к инциденту института профессора Эберта... Марко, расскажи нашему другу о «Дэс клабе».

– «Дэс клаб» – группа так называемых М-эфирных экстремалов, к которому и принадлежит девица в красном, – подхватил Бискотти. – Обычные панки, развлекающиеся взломом М-рубежей и бесчинствами в закрытых квадратах. Слухов об этих хулиганах полно, но раздобыть о них конкретную информацию очень трудно. Наш человек в администрации Менталиберта уверяет, что все досье на членов «Дэс клаба» хранятся не у них, а в институте Эберта. То есть подключение этих хулиганов к М-эфиру и перезагрузка их дублей происходит только через частный М-транслятор в Миннеаполисе. Там же их, судя по всему, и надеются противозаконными умениями взламывать защиту квадратов. Заполучить необходимые досье у нас не выйдет чисто технологически – все манипуляции с ними возможны лишь в пределах М-эфира, а из Менталиберта нам в базу данных института не пробиться. Поэтому остается уничтожить его архивы и человека, способного их восстановить.

– И что нам это даст? – спросил Доминик.

– Как уверяют специалисты, благодаря твоей акции мы рассекретим личности от тридцати процентов до половины членов «Дэс клаба». А если повезет, то еще больше. Те из них, кто будет на момент диверсии находиться в Менталиберте, не сумеют отключиться от М-эфира по своим обычным алгоритмам выхода. Чтобы сделать это с наименьшим риском, «сиротам» придется идти на поклон к администрации или независимым провайдерам и перерегистрироваться у них. В первом случае мы добудем регистрационные данные через нашего человека, во втором – свяжемся с представителями частных компаний и доходчиво объясним им, кого они покрывают и с кем им выгоднее дружить: с нами или с кучкой отможенных панков. Поэтому когда ты, Тремито, вернешься из Миннеаполиса, мы наверняка уже будем располагать о «Дэс клабе» более конкретной информацией. Плюс ко всему мы надеемся, Эберт тоже поделится с тобой кое-какими секретами. Ну так что, Доминик, семья может на тебя рассчитывать?

– Кажется, я уже ответил на этот вопрос, – напомнил Аглиотти. – Я отберу пятерых ребят из тех, с кем раньше имел дело, и мы займемся вашим профессором. Как насчет оборудования? Или мы должны громить институт Эберта кувалдами?

– Люди синьора де Карнерри подвезут тебе все необходимое завтра в северные доки, – пообещал Приторный. – А еще у него для тебя имеется подарок, который ты получишь в придачу к оборудованию в том же условленном месте.

– Терпеть не люблю сюрпризы, – признался Доминик. – Последний подарок, который я получал от синьора де Карнерри лет пять назад на Рождество, едва не оторвал мне голову. Вот только Санта-Клаус, пытавшийся подбросить нам ту посылку, был полным кретином. Он таскал дистанционный взрыватель от бомбы прямо в кармане, надеясь, что мы окажемся пьяны и не обратим внимания на подозрительного Санту. Пришлось надеть ему на голову его же мешок, вернуть подарок и устроить для этого идиота на ближайшем пустыре рождественский фейерверк.

– Клянусь, Тремито, мой сегодняшний презент тебе точно понравится, – усмехнулся Массимо, не став открещиваться от упреков несостоявшейся жертвы подрывника Санта-

Клауса. Чего только не творилось в годы Тотальной Мясорубки, да и сам Сальвини тоже был не прочь послать врагам на праздник «подарочную» бомбу. – Хочу, чтобы ты принял от меня этот дар в знак примирения. Не извинения, поскольку я и ты причинили друг другу в прошлом столько горя, что уже и не ясно, кто у кого должен просить прощения. Да и чем вообще можно искупить такие обиды? Но укрепить перемирие нам никогда не поздно, к тому же двадцать минут назад ты сам сказал мне, что не имеешь ничего против такого мира... Завтра в полдень на северном пирсе тебя будет ждать Тулио Корда. Поступай с ним так, как тебе заблагорассудится, – он вышел из-под моего покровительства, и семья де Карнерри не станет его защищать.

В глазах Аглиотти, который глядел до этого на Щеголя и Приторного своим обычным полусонным взглядом, вдруг вспыхнул огонь, а кулаки сжались. Казалось, еще немного, и Доминик схватит со стола нож и вонзит его прямо в глотку Массимо. Де Карнерри, однако, и бровью не повел. Он был готов к подобной реакции Тремито и знал, что закипевший в нем гнев не выплеснется на присутствующих в зале.

– Тулио Корда! – медленно процедил Аглиотти, словно припоминая, хотя в действительности ему было отлично знакомо это имя. Доминик просто не мог поверить в то, что услышал сейчас от де Карнерри. – Тулио Корда... *Porcocane* Корда!..

Взгляд Тремито вновь потускнел, но на губах теперь играла зловещая ухмылка.

– Что такого натворил Тулио, раз вы, синьор де Карнерри, решили выдать мне его на растерзание? – любопытствовал Доминик спустя полминуты, которой ему вполне хватило на то, чтобы унять возбуждение. – Ведь на самом деле причина вашего широкого жеста кроется не только в желании упрочить наше перемирие, верно?

– В заговор Корда вцепилась полиция, да так крепко, что мы уже ничем не можем ему помочь, – не слишком охотно, но приоткрыл карты Щеголь. – Вот Тулио и надумал облегчить себе участь и явиться туда с повинной. Наш человек в региональном отделении ФБР сообщил, что Корда прощупывал почву, собираясь заключить с федералами сделку. Сам понимаешь, Тремито, я очень расстроился, когда узнал об этом. Еще чуть-чуть, и Тулио втравил бы мою семью в крупные неприятности. Трудно поверить, что когда-то он был мне как брат. Говоря начистоту, если бы не это обстоятельство, вряд ли я выдал бы тебе твоего самого лютого врага. Но теперь твоя дружба для меня гораздо ценнее, чем жизнь Корда, и потому я хочу купить за нее еще немного твоего расположения. Это бизнес. Всего лишь бизнес, не более. Без обид, Тремито.

– Что ж, спасибо за откровенность, синьор де Карнерри. – Доминик сомневался в искренности Щеголя, но в любом случае его ответ прозвучал честнее, чем ожидалось. А подарок выглядел и вовсе фантастическим. Аглиотти и не мечтал, что однажды ему сделают столь шикарное предложение. – Я согласен принять условия сделки. Желаете, чтобы я передал от вас Тулио Корда какое-нибудь послание?

– Нет, Тремито, это лишнее. Ты и без моих подсказок скажешь ему все, что нужно. Просто сделай то, что давно собирался, и да смилуется над вами обоими Господь...

Глава 3

Назавтра ровно в полдень Доминик Аглиотти и его сопровождающие Томазо Гольджи, Чико Ностромо, Джулиано Зампа и братья Саббиани – Альдо и Франческо, – въехали на территорию чикагского порта на двух автомобилях по пропускам членов профсоюзного комитета докеров. Выбранное Приторным место для встречи с людьми Щеголя находилось в одном из доков по разгрузке древесины. Работы в нем по причине нынешнего низкого спроса на данный вид товара шли от силы раз в неделю. В остальные дни семья Сальвини, всегда состоявшая в тесной «дружбе» с портовыми профсоюзами, могла использовать простаивающие площади дока в своих целях.

Шестеро собравшихся в кои-то веки вместе приятелей прибыли на встречу вовремя. Дабы не привлекать ненужного внимания, люди де Карнерри явились в порт часом раньше и через другой пропускной пункт. Они же впустили Аглиотти с компанией в док и закрыли за ними огромные раздвижные ворота. Проследовав до выстроенного прямо в доке цеха по распиловке древесины, представители семьи хозяев припарковали автомобили рядом с автомобилями гостей и вышли поприветствовать их.

Посланников де Карнерри тоже было шестеро, а все привезенное ими оборудование находилось в двух пластиковых контейнерах, которые в свою очередь легко помещались в багажник легковой автомашины. Характер сделки исключал какой-либо обман, поэтому Тремито даже не стал заглядывать под крышки контейнеров и сразу распорядился перенести груз в автомобиль Мухобойки.

– Вот список, на всякий случай, – сказал ответственный за передачу товара посредник, представившийся как Тито, и протянул Доминику сложенный листок бумаги. – Все оборудование исправно, у нас с этим строго. Если нужны инструкции по пользованию...

– Спасибо, не нужны, – помотал головой Тремито, пробежав глазами по списку. – Нам, как и вам, тоже приходилось иметь дело с такими устройствами.

– Казино «Вулкан Удачи» в Лас-Вегасе, верно? – хитро прищурившись, полюбопытствовал Тито. – В конце Тотальной Мясорубки. Пять погибших и дюжина раненых. Ущерб семьи де Карнерри составил больше трех миллионов долларов. Поговаривают, это была твоя работа.

– Хорошая память, – заметил Аглиотти. – Ты явно наслышан о том взрыве не из газет.

– Я был одним из пострадавших при взрыве охранников, – ответил посредник. – До сих пор в локтевом суставе осколок «однорукого бандита» сидит. Чуть было сам одноруким из-за тебя не стал.

– Сочувствую, – пожал плечами Аглиотти. – Только что бы тебе ни говорили, «Вулкан Удачи» взорвал не я. Человека, который это сделал, два года спустя пристрелил в тех же краях кто-то из ваших.

– Значит, не ты меня покалечил? – усомнился Тито.

– Не я, – повторил Доминик и без тени иронии добавил: – Если бы это поручили мне, я разнес бы казино не в девять утра, а в полночь, когда в нем было бы полно народу. И вряд ли ты разговаривал бы сейчас со мной, потому что после моего взрыва раненых точно не осталось бы. Невинная жертва должна умирать быстро и без мучений – это принцип Тремито.

– Знаешь, иногда я начинаю сожалеть, что мы заключили это перемирие, – пробурчал Тито, глянув исподлобья на Аглиотти.

– В отличие от тебя я постоянно сожалею об этом, – криво ухмыльнулся тот, догадавшись, что в действительности хотел сказать ему собеседник. – И, как видишь, моя Мясорубка еще продолжается... Где Корда?

– Мы приковали его к лебедке в распиловочной, – пояснил представитель дружелюбной семьи и указал на дверь цеха. – Тулио – крепкий парень. Сомневаюсь, что у тебя получится запугать его.

– Плевать я хотел, боится он меня или нет, – бросил Тремито. – Ты прекрасно знаешь, что я приехал сюда не запугивать Тулио.

– В таком случае он – твой. Прощайте, – закончил Тито и дал знак своим людям рассаживаться по машинам. Посредники свою задачу выполнили, и им больше не было резона задерживаться в порту.

Велев братьям Саббиани следить за выездом из дока, а Джулиано и Чико – держать под контролем прочие входы и выходы, Доминик оставил себе в непосредственные помощники лишь Мухобойку. Томазо догадывался, какие страсти бушуют сейчас за внешним хладнокровием Тремито, и потому предпочитал деликатно помалкивать и делать свое дело без лишних вопросов.

Прежде чем переступить порог распиловочного цеха, Аглиотти остановился и снял с шеи амулет, носимый им с того самого дня, когда судьба впервые столкнула его с Тулио «Колабродо» Корда. Амулет представлял собой маленькое, размером с циферблат наручных часов, колесико от игрушечного автомобиля. Когда-то вместо этого колесика Доминик носил золотой крестик, который был при нем и в день свадьбы с Долорес, и в день рождения их сына Серджио. А также во время учиненной Тремито бойни на барже «Аурелия» и прочих совершаемых им *dimostrativi assassini* – как до, так и после инцидента в чикагской гавани. Аглиотти продолжал носить крестик даже тогда, когда на его совести было загубленных душ в несколько раз больше, чем у легендарного русского маньяка Чикатило. Кровавый Мичиганский Флибустьер давно не верил в Бога и сегодня затруднялся сказать, зачем вообще держал при себе раньше христианский символ.

Как, впрочем, не мог уверенно ответить самому себе и насчет того, почему носит сегодня вместо крестика это колесико. Доминик даже не помнил, как оно очутилось у него на шее, и узнал об этом только со слов сиделки, что ухаживала за ним на вилле дона Дарио (при Тотальной Мясорубке вилла Сальвини была превращена в неприступную крепость, где был оборудован самый настоящий госпиталь для пострадавших в межклановой войне членов семьи).

Все, что помнил Тремито о том жутком дне, отложилось у него в памяти коротким фотографическим комиксом. Стояло воскресное январское утро – холодное и ясное. До окончания Тотальной Мясорубки оставалось еще полтора года, и Аглиотти прятал свою семью в глухой деревеньке на востоке штата. Доминик добирался туда окольными путями всю ночь, потому что опасался слежки. Дорога выдалась муторной, но он не мог не приехать на день рождения Серджио. Вот они всей семьей садятся за стол, на котором стоит маленький торт с шестью свечками. Доминик радуется, что жена еще не узнала из новостей о том, на кого возложена ответственность за недавнюю бойню в одном из нью-йоркских клубов Барберино. Долорес была в курсе, чем занимается муж, но никогда не заводила с ним разговор на эту тему. Она заранее знала, что выходит замуж за Дьявола. Но именно этот Дьявол вызволил ее из подпольного пуэрториканского борделя – места куда более отвратительного, нежели Ад.

Чай выпит, угощение съедено, Серджио, разложив подаренные игрушки, копошится на полу. Долорес моет на кухне посуду и интересуется, останется ли Доминик на ночь... Он еще не решил, поскольку ждет звонка от дона Сальвини. После обеда будет известно точно, какие у Тремито планы на завтра, а пока... Мимо дома пробегает трусцой странный человек – Аглиотти замечает его в окно гостиной. Почему странный? Потому что носится по деревне с трехфутовой трубой на плече. Внезапно человек сворачивает с тротуара, выскакивает на середину улицы и направляет передний конец трубы прямо на Доминика.

Издавек тот не различает лица странного незнакомца, однако мгновенно смекает, что сейчас произойдет. Разворачиваясь и подхватывая сына на руки, чтобы броситься с ним в соседнюю комнату, Тремито что-то кричит жене и краем глаза наблюдает, как к дому уже несется реактивный снаряд, выпущенный из базуки стоящим посреди улицы стрелком. Грохот от выстрела и звон выбитого ракетой окна – последнее, что доносится до ушей Доминика. Долорес молчит – она так и не успевает сообразить, что случилось. Ее муж видит, как ворвавшийся в гостиную снаряд пронесется у него перед носом, и в отчаянии понимает, что ничего нельзя изменить...

Далее «комикс» воспоминаний Аглиотти состоит лишь из отрывочных мутных образов. Взрыва он почему-то не слышит, зато видит летящий прямо на него с бешеной скоростью холодильник (ракета угодила не в стену гостиной, а в дверь кухни и взорвалась уже там). Где в этот момент находятся жена и сын, Тремито определить не может; кажется, Серджио вырвался у него из рук, решив, что папа с ним играет. Холодильник сбивает Доминика с ног и падает на него всей своей массой. Вокруг бушует вихрь из огня, обломков мебели и кухонной утвари. В торчащие из-под холодильника лодыжки Тремито словно вгрызается клыками стая разъяренных собак. От удара у него на несколько секунд останавливается дыхание, и потому его легкие не втягивают в себя раскаленный воздух. Когда же Аглиотти вновь начинает дышать, то ощущает лишь едкий до рвоты смрад дыма и пыли. Давясь кашлем и выблевывая из себя эту мерзость, Доминик кое-как сталкивается с себя раскуроченный холодильник. Именно в этот миг рассудок окончательно покидает его, правда, то и дело возвращаясь короткими и на удивление ясными проблесками.

Вот Тремито ползет на четвереньках по усыпанному битым стеклом полу, хватаясь за все, что попадает под руки и расшвыривая обломки в стороны. Следующий фрагмент: маленькая палата сельского медпункта. Выпученные от ужаса глаза деревенского шерифа – он опознает Мичиганского Флибустьера даже сейчас, когда физиономия Аглиотти выглядит, мягко говоря, далеко не лучшим образом. Затем – очень долгий провал, а после него – знакомые подвальные потолки виллы донна Сальвини.

Оказывается, молодой амбициозный головорез семьи де Карнерри Тулио «Колабродо» Корда не удержался и моментально раструбил на всех углах, что ему удалось прикончить самого Тремито. Мухобойка с товарищами были посланы проверить эти слухи и подоспели akurat вовремя: местный шериф как раз собирался отправить тяжелораненого гангстера в Чикаго и праздновать самый грандиозный триумф за всю свою служебную карьеру. Пришлось Гольджи провести с представителем правопорядка короткие агрессивные переговоры и взять на себя хлопоты по транспортировке Доминика, но уже не в окружной госпиталь, а в укромное безопасное местечко. Неудавшийся коп-триумфатор остался жив, но его пришлось уложить на ту же больничную койку, которую до него занимал Аглиотти.

За несколько часов, проведенных Тремито в сельской больнице, никто не обратил внимание на его сжатый левый кулак. Когда же личный хирург семьи Сальвини заметил, что в руке у пациента что-то есть, и взялся разжимать на ней пальцы, Доминик почувствовал это и в бреду набросился на врача. Угмонив больного, тот все же отнял у него мелкий предмет, оказавшийся колесиком от игрушечного автомобиля, случайно подобранного контуженным, обезумевшим от горя отцом при поисках в разрушенном доме сына. Тремито метался по постели, рвал простыни, рычал и кусал в кровь губы до тех пор, пока сердобольная сиделка не догадалась вернуть ему отобранную доктором вещь. После этого обессиленный Аглиотти сразу успокоился и, напичканный обезболивающими препаратами, забылся и перестал доставлять врачам проблемы.

Та же сиделка подняла выроненное однажды Домиником колесико и, продев в него шнурок, повесила этот амулет больному на шею. Так что, когда неделю спустя Тремито окончательно пришел в сознание, он увидел у себя на груди вместо прежнего крестика, утерян-

ного где-то в сельской больнице, новый натальный символ. Который, в отличие от прежнего, стал беречь как зеницу ока и всегда носил с собой, не расставаясь с ним даже в камере смертников тюрьмы Синг-Синг...

Томазо заметил, что босс (со вчерашнего дня Гольджи вновь начал называть товарища как в прежние времена) достал свой талисман и задержался у входа в цех. Гольджи тоже остановился и вопросительно взглянул на Тремито.

– Дай мне еще минутку, о'кей? – попросил тот.

– Ладно, пойду пока взгляну, что там и как, – понимающе кивнул Мухобойка и вошел в распиловочную, оставив Аглиотти наедине с его мыслями.

Дождавшись, когда Томазо скроется, Доминик положил талисман на ладонь, молча посмотрел на него и произнес:

– Мне не следовало жениться на твоей матери, Серджи. Надо было отпустить Долорес сразу, как только я избавил ее от того ублюдочного пуэрториканского сутенера. Она была умная женщина и непременно нашла бы для себя со временем благопристойного мужа. А рядом со мной ей и тебе так или иначе была уготована смерть. Это единственная ошибка, за которую я хочу еще раз попросить у вас обоих прощения. Больше мне перед вами каяться не в чем.

И, надев талисман обратно на шею, решительно переступил порог распиловочного цеха...

Тремито понятия не имел, как выглядит убийца, расстрелявший из базуки его семью и чудом не убивший его самого. Лицом к лицу Аглиотти и Корда не встречались, а фотографий врага Доминику никто никогда не показывал. Поэтому надумай Щеголь обмануть его и подсунуть вместо Колабродо кого-либо другого, возможно, этот обман так и остался бы нераскрытым. Но де Карнерри сдержал слово, и Тремито быстро понял, что перед ним именно тот человек, о котором шел вчера разговор под занавес встречи в ресторане «Равенна».

Тито и его приятели, не мудрствуя лукаво, прицепили *pentito*² наручниками к крюку крана-балки, перемещающегося посредством электродвигателей под потолком цеха, и натянули трос так, чтобы Колабродо касался пола лишь носками ботинок. Среднего роста, достаточно молодой, упитанный, с растрепанными волосами и оттопыренными ушами, Тулио походил сейчас на очнувшегося после пьянки офисного менеджера, а не на коллегу Аглиотти по кровавому ремеслу. Истинную сущность Корда выдавал только взгляд: лютый, пронзительный и несколько не напуганный или униженный.

Налиествовала еще одна деталь, которая сразу бросилась в глаза Доминику. Для выведенного на чистую воду *pentito* Колабродо выглядел чересчур свежо. Больше походило на то, что подручные Щеголя не мурыжили Тулио по подвалам, а выдернули утром прямоком из домашней постели. Все это было весьма странно, но не настолько, чтобы Тремито насто-рожился. Мало ли чем объяснялось нежелание головорезов де Карнерри отбивать кулаки о предателя. Возможно, Тито получил приказ от босса взвалить эту проблему целиком и полностью на плечи Аглиотти.

Доминик внимательно присмотрелся к Тулио, затем постарался вспомнить того проклятого гранатометчика, но сравнительный анализ оказался безрезультатным. В прошлый раз Тремито видел Колабродо всего несколько секунд и сегодня не мог даже уверенно сказать, какого роста был подосланный покойным отцом Щеголя киллер, не говоря об остальном. Болтающийся на крюке Корда знал об Аглиотти куда больше, потому что, в отличие от него, Тулио знакомил с его несостоявшейся жертвой куда подробнее.

² В сицилийских преступных кланах т. н. отступник – тот, кто нарушает кодекс и идет на сотрудничество с полицией.

– Наконец-то пожаловали! – провозгласил Колабродо при виде Тремито и Мухобойки. Голос Тулио дрожал, но звучал дерзко. Как посредник и предупреждал, доставленный им *pentito* был крепок духом и не собирался молить о пощаде. – Что-то ты, Тремито, не шибко торопишься. Уже час тут болтаюсь, руки-ноги отсохли... Эй, есть у кого закурить?

Мухобойка вопросительно взглянул на босса. Доминик кивнул: дескать, черт с ним, угости ублюдка. Томазо подошел к Корда, сунул ему в рот сигарету и великодушно дал прикурить от своей зажигалки.

– А может, ты, обезьяна, еще ширинку мне расстегнешь и на прощанье отсосешь, а? – сделав затяжку, заявил Колабродо Мухобойке вместо благодарности. – Ну, или хотя бы просто за *cazzo* подергаешь? Трудно тебе, что ли? Да ладно, не напрягайся, я пошутил.

– Шути, шути, уже недолго осталось, – невозмутимо заметил Гольджи, пряча зажигалку в карман и отходя от пленника. Вывести Мухобойку из себя было легко, но только не в присутствии хладнокровного Аглиотти.

Пока Тулио наслаждался милостью врага и курил, стараясь при этом не выронить сигарету изо рта, Доминик неторопливо обошел вокруг подвешенной, словно боксерский мешок, жертвы, лениво увернулся от прицельно выплюнутого в него окурка, а затем, не дожидаясь, пока Корда опять разразится оскорблениями, проговорил:

– Элвис-авеню, дом сорок четыре, квартира шесть. Все правильно, Колабродо? Я ничего не напутал?

Корда, открывший было рот, чтобы выкрикнуть очередную гадость, так и замер с отвисшей челюстью и округлившимися от страха глазами.

– А ну... повтори... что ты сказал! – потребовал он вмиг севшим голосом.

Аглиотти не счел за труд повторить и добавил:

– ...Мемфис, правый берег Миссисипи. Говорят, именно туда ты тайком увез свою жену и двух дочек перед тем, как начать переговоры с федералами? Да, *porco pentito*? Это ж надо, какая изобретательность: уговорить брошенную давным-давно любовницу, чтобы та спрятала у себя твою законную супругу, да еще с детьми! Вот только ты недооценил своего бывшего *sapo*. Хотя я с ним и недолго общался, однако успел заметить: Щеголь гораздо умнее своего отца. Жаль, что ты раньше этого не понял.

В принципе Колабродо мог и не отвечать. Никто его пока пальцем не тронул, а выглядел он теперь так, будто получил хороший удар под дых. Непроверенная информация, какой де Карнерри также снабдил Тремито, получила подтверждение. Все вышесказанное Аглиотти являлось по большей части блефом, но блеф этот угодил в точку. Тулио преобразился буквально на глазах, вмиг растеряв спесь, словно мелочь из разодранного кармана.

– Клянусь тебе, Тремито: я никогда не был *pentito*! – с блеском в глазах выкрикнул Корда, а будь у него свободны руки, еще бы, наверное, и в грудь себя стукнул. – Клянусь женой и дочерьми, слышишь?! Де Карнерри тебе солгал! Знаешь почему? Ведь сегодня я – такой же, как ты, кусок вонючего дерьма, который надо держать подальше от семьи, чтобы, не дай бог, не запятнать ее репутацию! А еще лучше раз и навсегда зарыть глубоко в землю, как и подобает поступать с дерьмом! Твой *sapo* оказался более справедлив, чем мой, и позволил тебе жить. А де Карнерри решил сразу же избавиться от меня, как только федералы обложили Колабродо со всех сторон! Лишь из-за этого, Тремито, я увез семью в Мемфис, а вовсе не потому что якобы начал сотрудничать с полицией! Чтобы поверить мне, просто взгляни на мою рожу! Видишь на ней хоть один синяк? Нет! Да будь я и впрямь стукачом ФБР, у меня на роже сейчас живого места не осталось бы! Еще раз повторяю: никогда, черт тебя дери, я не ходил на поклон к федералам! Я попросту испугался, что моя жена и дочери будут казнены вместе со мной, вот и все! И никакого, мать его, ФБР!.. Убей меня, Тремито, поскольку я действительно виноват перед тобой, но умоляю: не трогай моих родных! Про-

сто скажи Щеголю, что не нашел их, что они сбежали за границу, или придумай еще какую-нибудь историю!

– А не кажется тебе, Колабродо, что я – последний человек в мире, к которому ты должен обращаться с такой просьбой? – невозмутимо поинтересовался Аглиотти. – Пораскинь мозгами, для чего де Карнерри поручил разобраться с тобой именно мне, а не своим людям? И за это я очень благодарен твоему *capo*. Если он и был с кем-то несправедлив, только не со мной. Твоя жена, дочери и бывшая любовница обречены, и уже завтра я отправляюсь в Мемфис. Могу пообещать тебе лишь то, что все они умрут быстрой смертью, как умерла моя жена Долорес и сын Серджио.

– *Figlio di bastardo* !!! – брызжа слюной, завопил Корда и начал рваться в разные стороны, едва не выворачивая себе плечевые суставы. – Сучий выродок!!! Тварь!!! Будь уверен, скоро ты подохнешь той же смертью, что и я! Щеголь привяжет тебя к этому крюку, как только ты вернешься из Мемфиса! Колабродо всю жизнь служил семье де Карнерри, и вот где я теперь! А чем ты лучше меня, Тремито?! Такой же корм для червей, который сгниет со мной в одной могиле! Массимо специально поручил тебе эту работу, чтобы лишний раз не подставлять своих парней, а потом избавиться от тебя, как от грязных рваных перчаток! Ты – тупица, ослепленный жадой мести! Если тебе не жаль себя, так хотя бы не втравливай в это гиблое дело приятелей!

Тулио кивнул на топтавшегося у стены Мухобойку.

– Мне не о чем говорить с тобой, Колабродо... – В отличие от *pentito*, его палач являл собой само спокойствие. – Я сказал тебе все, что ты должен узнать, прежде чем умрешь. Все эти годы я позволял тебе жить, потому что такова была воля наших *capi*. Ты тоже прекрасно знал об этом. Но теперь времена изменились, а ты не подготовился к переменам. В гибели моей семьи виноват только я, поскольку мне не удалось защитить от тебя тех, кто был мне дорог. Твоя жена и дочери погибли исключительно по твоей вине. На сей раз ты оказался не в состоянии оградить своих родных от опасности. Никакой слепой мести. История повторилась, только и всего. Прощай. Встретимся в Аду.

Корда продолжал кричать; утешал Тремито забыть о поездке в Мемфис и бежать без оглядки, пока у него есть шанс скрыться от Щеголя; снова умолял смириться над маленькими беззащитными девочками, старшая из которых лишь в этом году должна пойти в школу... Аглиотти не слушал впадавшего в отчаяние Колабродо. Скинув пиджак, Доминик облачился поверх брюк и рубахи в безразмерный, замызганный рабочий комбинезон, оставленный в углу кем-то из докеров. Рядом со спецодеждой отыскалась защитная полумаска, что использовалась обслуживающими пилораму пильщиками. Без лишних раздумий Тремито нацепил полумаску на лицо, а завершил переодевание парой взятых из автораздатчика брезентовых рукавиц-верхонок.

Пока босс подготавливался, Томазо снял со стеллажа небольшую ручную электропилу и проверил ее работоспособность на извлеченной из штабеля доске. После этого показательного теста *pentito* сразу прекратил бесполезные мольбы и крики, поник головой и, ослабив руки, безвольно повис на крюке. Лишь губы Колабродо продолжали шевелиться, но что он шептал, было уже не разобрать. Вряд ли жертва молилась, скорее всего, она адресовала своим палачам последние проклятья. Или же прощалась и просила прощения у родных, коим в скором времени также была уготована жестокая смерть.

Доминик взял у Гольджи электропилу, довел ее обороты до максимума, подошел к Тулио и занес бешено лязгающую по шине зубчатую цепь над его правым плечом. Тем самым плечом, на котором когда-то лежала базука, что убила Долорес и маленького Серджио...

Аглиотти и Корда больше не сказали друг другу ни слова, если, конечно, не считать словами безумные вопли терзаемой жертвы. Ранее Тремито доводилось устраивать подобные казни, а затем отсылать расчлененные тела либо родственникам жертв, либо тем, на

кого они при жизни работали. Сегодняшняя казнь не относилась к *dimostrativi assassini*, и останки Колабродо должны были под покровом ночи отправиться на дно Мичигана. Мухобойка загодя подготовил для этого все необходимое. А пока Доминик орудовал пилой, его приятель сходил с тачкой к мусорной куче и привез оттуда опилок, чтобы рассыпать их по полу, дабы они впитали кровавые пятна и облегчили последующее уничтожение улики.

Тремито называли садистом, но сам он таковым себя не считал, поскольку никогда не испытывал удовольствия от своей работы. Если перед палачом семьи Сальвини не стояла конкретная задача предать жертву мучительной смерти, он обычно убивал ее одним точным ударом. «Профессиональная этика» – так не без иронии оправдывал Аглиотти свою карательную политику.

Казнь Колабродо являлась чем-то средним между этими двумя крайностями. Упиваться страданиями заклятого врага Доминик мог бы долго, поймай он Тулио сразу после гибели Долорес и Серджио. Но теперь чудом выжившего при взрыве отца и мужа обурежала лишь тупая злоба, не перешедшая в ярость даже при виде преподнесенного ему на блюде Корда. Однако и дарить ему легкую смерть Аглиотти по вполне понятным причинам не собирався...

Электропила кромсала тело Колабродо всего пару минут – куда меньше, чем до этого жертва наслаждалась последней в жизни сигаретой. Две минуты, по прошествии которых Доминик не ощутил ни победного настроения, ни облегчения. Это было не возмездие и не восстановление справедливости, а всего лишь обычная резня. Далеко не первая в кровавом послужном списке Тремито и, по всем предпосылкам, еще не последняя...

– Мемфис... Далековато, черт побери, – проворчал Томазо, угрюмо взирая на изуродованные останки Тулио Корда. – Эй, Дом, почему ты меня не предупредил, что планы меняются? Я уже сказал ребятам, что мы едем в Миннеаполис.

– Именно туда мы и едем, – отозвался Аглиотти, снимая заляпанную кровью маску и кидая ее в большой пластиковый пакет, куда только что отправились испачканные рукавицы. – Наши прежние планы остаются в силе.

– А как же родственнички этого?.. – Гольджи указал носком ботинка на лежащее перед ним расчлененное тело. – Или мы займемся ими позже?

– О чем ты, Томми? Какие родственники? – Доминик непонимающе уставился на Мухобойку. – Неужели ты всерьез поверил тому, что я говорил Колабродо?

– Ну да, – буркнул громила. – Ведь так и должно быть, раз ты намерен воздать этому вонючему ублюдку той же монетой.

– Я и воздал, – сказал Тремито усталым надтреснутым голосом. – Ты разве не понял этого?

В ответ Мухобойка изобразил жест, который следовало толковать, как «ни хрена я, босс, не понял, но если ты не в духе, Томми может и заткнуться».

– Корда подох, будучи уверенным, что его жена и дети обречены, как и он, – пояснил Аглиотти, заматывая перепачканную электропилу в грязный комбинезон и тоже упаковывая их в мешок с уликами. – Большого мне и не требовалось. Скажи, какую пользу нам принесет казнь семьи Тулио вдобавок к вполне очевидным неприятностям?

– Не нам, а тебе, – поправил его Гольджи. – Неужели тебе не станет легче от того, что ты оплатил за Долорес и Серджио согласно нашим традициям?

– Я чту традиции, – резко ответил Доминик. – Но в данной ситуации только мне решать, соблюдены они или нет. И я говорю: соблюдены. Отец Щеголя – старый дон Джузеппе, вынесший мне смертный приговор, – давно в могиле. Убийца моих жены и сына отныне там же. Массимо в присутствии донов Сальвини и Барберино отменил мой вердикт, и я не имею права мстить Щеголю. А дочери Корда абсолютно не виновны в том, что Тремито позволил

врагам добраться до своей семьи... – И, помолчав, мрачно улыбнулся, после чего закончил:
– Как видишь, Томми, с кем мне и осталось свести счета, так это только с собой...

Глава 4

Если вас интересует вопрос, спят ли когда-нибудь призраки, могу честно и открыто заявить: да, спят, но очень редко. Хотя в любом случае, мы – призраки – делаем это чаще, чем среднестатистический житель современной высокоразвитой цивилизации, что давно победила тягу человечества ко сну – как было доказано, главному тормозу научно-технического и прочих видов прогресса. Вот я, например, как характерный представитель нового поколения призраков – тех, что обречены безвылазно томиться в Менталиберте, – сплю примерно одну ночь в три недели. Это невыгодно отличает меня от обычного либерянца, напрочь лишенного подобного атавизма, зато позволяет пусть ненадолго, но отключиться от М-эфира. Чего я при всем желании не могу себе позволить в режиме ментального бодрствования.

В Храме Созерцателя можно завалиться спать где угодно. Старые хозяева церкви Великомученика Пантолеона, утратившей после их ухода последние остатки святости, появлялись здесь исключительно для свершения религиозных служб и обрядов. Нечто вроде вахтового метода: подключился на несколько часов к Менталиберту, отрубил мессу, дождался смены и отключился. В прежней своей ипостаси храм функционировал круглосуточно, словно электростанция. Что, впрочем, не спасло его от быстрого фиаско, вызванного упрямым нежеланием многогрешных либерянцев посещать церковь.

Надо отдать должное святым отцам, они в поте лица старались завлечь к себе паству и, чтобы оградить себя даже от безобидных мирских соблазнов, не стали оборудовать в храме комнату для отдыха. В церкви вообще не было лишних помещений. Она представляла собой один-единственный зал с непрозрачными мозаичными окнами и массивными деревянными воротами, запирающимися на крепкий пудовый засов. Собственно говоря, только из-за них я и купил у церковников их выставленную на продажу ментальную собственность. Впервые закрыв за собой храмовые ворота, я наконец-то понял, как мне обрести в суетливом Менталиберте долгожданное уединение. А то, что при этом придется спать прямо на полу (нарушать здешнее гармоничное убранство покупкой кровати я счел чистой воды святотатством), являлось всего лишь мелким и вполне терпимым неудобством.

Что давал мне сон в М-эфирном пространстве и почему он вообще нисходил на меня, в то время как миллионы прочих либерянцев могли круглосуточно без усталости бодрствовать и радоваться жизни? Во-первых, я уставал и нуждался в периодическом отдыхе, поскольку являлся не М-дублем – ментальной оболочкой пользователя М-эфира, – а был самой настоящей, полноценной личностью. И во-вторых, если обычный либерянец имел возможность выбора, какими качествами наделить свое второе «я», а какие оставить за бортом, то Созерцателю приходилось довольствоваться тем, что он имел. Почти как в реальном мире. Я не контролировал процесс своего рождения и появился в Менталиберте с тем набором качеств, какие не утратил после переселения из моего предыдущего мира в этот. А там, чего греха таить, я любил поспать, поскольку хроническая бессонница тогда еще не вошла в моду.

Ну а в-третьих, мне еще снились сны. Что само по себе было удивительным явлением в Менталиберте, который, по сути, являлся массовой галлюцинацией, передаваемой креаторами пользователям посредством внешних ментальных волн. В моем прежнем М-эфирном мире Терра Нубладо, где мне приходилось спать гораздо чаще, я никогда не видел снов. Здесь же они посещали меня при каждом моем погружении в глубокое забытие. Обычно это были грезы о светлых моментах моего прошлого, но изредка накатывали видения, порожденные неприятными воспоминаниями. А вот абстрактные или пророческие сны почему-то не приходили. Может быть, потому, что с годами я попросту разучился мечтать и фантазировать...

Сегодня мой сон выдался беспокойным. Мне снилось, что я нахожусь на песчаном берегу широкой реки и веду бой с шайкой оголтелых речных пиратов. В руке у меня – дву-

ствольный штуцер устрашающего калибра, с которым я на диво ловко управляюсь. Пираты палят по мне из ружей и револьверов, но я не только легко уклоняюсь от пуль, но и очень метко отстреливаюсь, укладывая негодяев одного за другим.

Ба-ба-ба-ба-ба-бах!..

До моих ушей долетает частый ритмичный грохот. Э, нет, Морфей, врешь: не было у тех пиратов пулемета! Я точно помню, а иначе вряд ли бы мне посчастливилось выйти победителем из той заварухи. Ружья, револьверы, легкие мортиры – этого добра имелось предостаточно, но только не пулеметы...

Ба-ба-ба-ба-ба-бах!..

Впервые за время обитания в Менталиберте события в моем сне начали развиваться по собственному сценарию, а не повторяли те, что когда-то происходили со мной наяву. С чего бы это вдруг? А впрочем...

Ба-ба-ба-ба-ба-бах!..

Да, так оно и есть: это вовсе не пираты раздобыли невесть где чужеродное для их мира, автоматическое оружие, а кто-то упорно ломится в двери моего храма. Сказать по правде, событие тоже по-своему уникальное. И не припоминаю, когда в последний раз мое отдохновение было кем-то прервано. Обычно визиты редких посетителей совпадали с моим трехнедельным бодрствованием, и эти несколько часов сна всегда протекали спокойно.

Я рывком принял сидячее положение и протер глаза. Изрядно позабытое ощущение: быть разбуженным таким вот бесцеремонным образом... Не спеша встав с пола и подобрав расстеленный на нем плащ, я накинул его на плечи и побрел ко входу. Чем замечателен Бульвар, так это тем, что на нем нет ни грязи, ни пыли. Абсолютно. В других приближенных к реальности квадратах все это присутствует, а здесь – идеальная санитарная зона.

Громкий стук продолжался. Я бы ничуть не расстроился, устань посетитель долбиться без толку в храмовые ворота и уйди восвояси; просто зевнул бы да вернулся досыпать положенное. Но нет, либерианец, которому я вдруг понадобился, был настойчив, как трезвонивший будильник – вещица, какую я не видел уже ни много ни мало – более полувека. То есть с момента, как раз и навсегда обосновался в М-эфирном пространстве.

Я отодвинул засов и приоткрыл скрипучую створку ворот. О, этот милый сердцу скрип несмазанных металлических петель! Я нарочно сделал ворота храма такими, хотя изначально они не издавали ни звука. С какой же ностальгической теплотой звучал этот скрип! Ну прямо чистая музыка, честное слово. Переливы моего храмового органа и те не бередали душу так, как трескучие мелодии, проигрываемые воротами.

– А, это ты, – произнес я после того, как увидел, кто ищет со мной встречи в этот ночной час. – Давно не виделись. Ну заходи.

Викки-Кастаньета, прекрасная и смертельно опасная сеньорита Наварро... Мой единственный постоянный прихожанин и одна из немногих, кто в курсе, что Созерцатель – не только оператор альтернативной поисковой системы Менталиберта, но и хозяин маленькой церкви. А я, в свою очередь, посвящен в страшную тайну Виктории, поскольку эта черноволосая девушка-баск вот уже пару лет неизвестно за какие заслуги считает меня своим исповедником.

– Почему так долго не открывал? Созерцал что-нибудь интересное? – спросила Викки, переступив порог храма и дожидаясь, пока я закрою за ней ворота. Я обратил внимание, что ее глаза поблескивают. По-моему, она была пьяна – определить это по запаху в Менталиберте не удавалось, ибо местное пойло не только не вызывало перегар, но еще и обладало весьма приятными вкусовыми качествами. Про отсутствие в этом мире похмельного синдрома, полагаю, можно и не заикаться.

– Нет, просто прилег вздремнуть, – сознался я. – Видел сон, а ты меня разбудила.

– «Прилег...» чего? – опешила Викки. – Я тебя правильно поняла: ты что, спал?

– Разве я не говорил тебе, что регулярно занимаюсь этим? – спросил я.

– Если бы говорил, я бы точно запомнила. – Девушка покачала головой. – Вот теперь я действительно вижу, какой ты, оказывается, древний и закорячатый тип, Созерцатель!

– Хочешь меня уязвить? Бесполезно, – отмахнулся я. – Наоборот, сочту за комплимент, ведь чем древнее привидение, тем оно легендарнее... А ты никак с праздника. Что отмечали?

– Брось прикидываться, как будто не знаешь! – всплеснула руками Наварро. – Ведь ты следишь за мной с того самого дня, как мы впервые встретились, разве не так? Ну же, признайся, что я права! Давай, говори: «Виктория, свет моих очей, ты целиком и полностью права»!

Точно, пьяна. Впрочем, это можно было определить еще по стуку – раньше Викки никогда не колотила в мои ворота с такой настырностью. И тем паче не вынуждала меня в чем-либо ей признаваться... Давненько я не общался с пьяными девушками, что верно, то верно. Хотя, конечно, не так давно, как видел последний в своей жизни будильник.

– Присядь, – попросил я прихожанку, указав ей на ближайшую скамью у стены и усаживаясь сам.

– Не сяду, пока не ответишь на мой вопрос! – уперев руки в боки, воспротивилась Викки. Дай ей сейчас в руки скалку, была бы вылитая разгневанная супруга, допытывающая мужа, где он, подонок, шляется всю ночь.

– Хорошо, будь по-твоему. – Спорить с упрямой баскской красавицей было столь же бесполезно, как и плыть вверх по Ниагарскому водопаду. – Виктория, свет моих очей, должен признаться, что иногда я присматриваю за тобой. Но не тогда, когда ты переодеваешься или принимаешь душ, клянусь. Можешь быть спокойна: Созерцатель – не извращенец.

– Да ладно, чего там, разве это извращение? Если и было разок, я не в обиде, – расплылась в улыбке Кастаньета, вмиг подобрев и послушно усаживаясь рядом. – Я из нашего бара иду, из «Старого маразматика». Кликами вот разжигалась и решила счетчик немного назад отмотать, друзей угостить. У нас так полагается: раз разбогател, значит, не скупись. Я ж теперь в «Дэс клабе» – персоне номер два после Демиурга. Хочешь, мнеоампулу подарю о своей последней прогулке? Это ведь я за счет нее так разбогатела. Демиург сам не ожидал, что клип о налете на картель макаронников станет в Менталиберте настолько популярен, вот и загоняет теперь мои мнеоампулы по тройной цене.

– Видел я твою прогулку, – признался я. – Причем вживую, а не в записи. Уж прости, не мог удержаться от соблазна и пропустить такое зрелище. Никак не наиграетесь со своим Демиургом? Неужели ты и твои друзья согласились на *танатоскопию* только ради того, чтобы трепать в М-эфире нервы серьезным деловым людям?

– Только не надо морализировать, дедушка, – фыркнула Викки. – Подумаешь, добавили огонька в скучную вечеринку. Что тут такого? Как наиграемся, займемся чем-нибудь общественно полезным. Например, станем старушек через Бульвар переводить, ха!.. Давай-ка лучше выпьем. Я тут принесла тебе немного.

Она вытащила из внутреннего кармана жакета плоский початый флакончик с виски, открыла на нем пробку и сделала пару глотков прямо из горлышка. После чего протянула бутылочку мне.

– Ты ведь знаешь, что я не пьянею, – напомнил я. Это была сущая правда, а благодарить за такую физиологическую особенность моего ментального организма следовало креатора последнего мира, в котором мне довелось жить до Менталиберта.

– Тем более глупо отказываться, – пожала плечами Виктория. – Пей и ничего не бойся. А то мне неловко одной, из горла, да еще в церкви... Извини – в Храме Созерцателя.

Я обреченно вздохнул, взял бутылочку и на секунду приложился к ней. Напиток имел вкус свежего персика и совершенно не обжигал горло, хотя на этикетке крупными буквами

было выведено «Джек Дэниэлс». Разумеется, с припиской «М-вариант, радикально измененный вкус».

– Молодец, – похвалила меня Кастаньета, забрав бутылку и поставив ее рядом с собой на скамью. – Кажется, мы с тобой впервые за два года вместе выпиваем.

– Угу, – кивнул я, прислушиваясь к собственным ощущениям. Чем черт не шутит, а вдруг проклятье вечной трезвости исчезло и в моей жизни стало одной радостью больше? – Только тост произнести почему-то забыли.

Я ненадолго прикрыл глаза и совершил мысленный экскурс по Бульвару до бара «Старый маразматик». Не знаю, зачем я выбрал именно этот маршрут. Возможно, спонтанно, подобно тому как задумавшийся на улице человек провожает глазами летящую птицу. Однако, когда взгляд Созерцателя достиг нужной точки, ему открылось кое-что любопытное.

– Что-то рановато ты друзей бросила, – заметил я, пронаблюдав, как шумная компания одноклубников Наварро дружно усаживается в многоместный омнибус с рекламой квадрата Гавайи на боку. – Они вон через минуту будут загорать, пить дайкири и в океане плескаться. И охота было убежать от них в разгар вечеринки, чтобы ехать через весь Бульвар, в мрачную обитель самого скучного либериянца в М-эфире?

Кастаньета промолчала. Это было настолько на нее не похоже, что я тут же открыл глаза, вернув таким образом свое сознание обратно в Храм, и посмотрел на притихшую прихожанку. Виктория сидела, прислонившись к стене, и задумчиво крутила в пальцах бутылочную пробку. Я знал, что девушка прекрасно расслышала вопрос, и не стал его повторять, как и торопить Викки с ответом. Странная пауза, как и само появление Кастаньеты этой ночью в Храме Созерцателя.

– Давно хотела тебя кое о чем спросить, – наконец заговорила она. Голос ее утратил былую иронию и стал серьезным. – Но только теперь решилась на это. Причем не здесь, а почему-то в «Старом маразматике», прямо на вечеринке. Вдруг ни с того ни с сего втемяшилось в голову: иди и спроси! Вот и пришла... Кто ты, Созерцатель? Ведь ты не статист, играющий роль интерфейса продвинутой поисковой системы. И не обычный либериянец, который прыгает из квадрата в квадрат, надеясь за свою короткую жизнь успеть обойти весь Менталиберт. Ты практически безвылазно сидишь в своем Храме, однако знаешь обо всем, что творится в М-эфире. И ты не принадлежишь к администрации, иначе уже давно сдал бы меня и моих друзей квадрокопам. Так кто ты есть на самом деле? Только, пожалуйста, не говори, что призрак, тень давно покинувшего Менталиберт пользователя – я два года слышу от тебя эту ерунду и никогда в нее не верила.

Теперь настал мой черед впасть в замешательство и брать время на обдумывание ответа. Виктория была замечательной девушкой и моим другом. Но при всем при этом наши отношения являлись не настолько близкими, чтобы я мог позволить себе быть с ней абсолютно откровенным...

Я прознал о появлении в Менталиберте «Дэс клаба» гораздо раньше, чем Виктория узнала обо мне. Вряд ли кто-то еще, кроме меня, заметил легкое возмущение М-эфирного поля, когда первый из членов этого клуба – Демииург, – прошел процедуру танатоскопии (ее истинное название я выяснил гораздо позже, от Наварро) и поселился в Менталиберте. За Демииургом последовали другие, коих на сегодняшний день насчитывалось ровно два десятка.

Я ощущал появление в М-эфире каждого нового «мертвеца», поскольку все они являлись со мной одного поля ягодами. С той лишь разницей, что я был старше их первенца-Демииурга на сорок два года, а Менталиберта – на пятнадцать лет. В действительности это я должен носить первый порядковый номер в этой компании, но ни Кастаньета, ни ее одноклубники понятия не имели, что впервые танатоскопия была проведена в далеком две тысячи восьмом году. Просто тот темный гений, что превратил меня в заложника М-эфира

и через четыре десятилетия поставил данную процедуру на поток, никогда не рассказывал обо мне своим нынешним пациентам.

Впрочем, кое-что им было все-таки известно. А что именно, я выведал от Виктории только сейчас, хотя прежде считал, что хорошо изучил «Дэс клуб» и его неугомонных членов.

– Думаю, я знаю, кто ты такой, – проговорила Кастаньета, не дожидаясь, пока я отвечу. Взятая мной пауза затянулась почти на минуту. Я элементарно не ожидал такого поворота нашей беседы и потому был поставлен в тупик. – Ты – тот самый Черный Русский, имя которого постоянно отображено на наших лок-радарх. Демиург уверяет, что тебя не существует и что ты – всего лишь шальной ментальный импульс, прорвавшийся в М-эфир во время танатоскопии председателя «Дэс клуба» и до сих пор блуждающий в Менталиберте под случайно сгенерированным именем. Что-то типа непредсказуемой и неустранимой помехи, произошедшей по вине плохо настроенного сенсора, но предотвращенной на последующих процедурах. Импульс навечно отпечатался в ментальном поле и с тех пор стабильно улавливается нашими лок-радарми.

– Черный Русский? – насторожился я. И неспроста. Девушка будто завела со мной старую детскую игру «горячо – холодно», взявшись догадками выцеживать из меня правду. С умыслом Викки это делала или нет, неизвестно, но я был заинтригован и невольно пошел у нее на поводу. – Не понимаю, о чем ты толкуешь. Я знаком лишь с одним Черным Русским – тем, которого можно встретить в любом баре. Да ты наверняка тоже с ним встречалась и даже целовалась: две части водки, часть кофейного ликера и несколько кубиков льда.

Кастаньета обиженно сверкнула глазами, а затем оттянула манжет жакета, включила на лок-радаре голографический дисплей, развернула на максимум спектр его изображения и ткнула пальцем в открывшийся моему взору список имен.

– Вот он – Черный Русский! Взгляни и убедись, что я не шучу! – сказала она при этом. – В самом низу списка. Тот, чье имя серым шрифтом написано.

Рядом с одноклубниками Наварро, чьи фотопортреты на лок-радаре отмечались яркими цветными подписями, мифический Черный Русский был изображен в образе темного силуэта с нарисованным поверх него вопросительным знаком. Однако имя у «шального импульса» имелось вполне конкретное. И действительно, самое что ни на есть русское...

С годами мои чувства изрядно притупились, и сегодня вызвать у меня удивление могло лишь из ряда вон выходящее событие. И даже когда подобное случалось – крайне редко, но я еще натывался на весьма любопытные для себя вещи, – дожидаться моей эмоциональной реакции на них было уже невозможно. Виктория тоже не стала исключением и не узрела смятение Созерцателя, когда он прочел то, что было написано бледным шрифтом под таинственным портретом.

Арсений Белкин.

Обычное русское имя, каких в России, наверное, сотни, а то и тысячи. Более того, когда-то я даже знал человека с таким именем. Правда, он очень давно умер... И не подозревал, что доведется вновь столкнуться с этим типом спустя почти полвека, в Менталиберте, да еще при таких обстоятельствах.

Арсений Белкин – так продолжали бы звать меня сегодня, не сбеги я в свое время из России и не погибни в окрестностях Лондона осенью две тысячи восьмого года.

– Так это и есть ваш Летучий Голландец? – усмехнулся я, хотя внутри у меня все трепетало от противоречивых ощущений. Я гадал, как отреагировать на столь невероятное открытие: сказать Викки правду или уйти в «несознанку». – Призрачный член «Дэс клуба», информация о котором постоянно поступает на ваши лок-радары? Погоди-ка, но если они обнаруживают присутствие Черного Русского и даже определяют его имя, значит, по идее, должны фиксировать и его координаты.

– Поэтому Арсений Белкин и числится призраком, так как его координат не может вычислить сам Демиург. А уж он-то способен любого либерийца вывести на чистую воду, – развела руками Кастаньета. – Где бы мы с друзьями ни находились, в какой бы квадрат ни отправились, на наших лок-радарх везде горит отметка Черного Русского. Такое впечатление, что он всегда незримо присутствует рядом с нами.

Впервые за долгое время произнесенное всуе, мое исконное имя пробрало меня, словно волна жара – зашедшего в парилку, а перед этим продрогшего на морозе человека. Действительно, в подаренных нам при рождении именах присутствует некая мистическая сила, ощутить которую можно даже в М-эфирном мире. Особенно когда в последний раз тебя величали этим именем так давно, что и не упомянуть.

– В общем, ты решила, что раз Созерцатель называет себя привидением, значит, он и есть тот загадочный Черный Русский... как его?... Арсений Белкин? – Мое скрытное поведение было продиктовано интуицией. Не бог весть какой советчик, но поскольку в данный момент здравомыслие отказывалось работать, приходилось полагаться на природное чутье. А оно рекомендовало оставить пока все, как есть.

– А что, разве не так? – Похоже, сеньорита Прозорливость чувствовала себя куда увереннее, нежели загоняемый ею в угол Созерцатель. – Где твой М-паспорт? У всех без исключения либерийцев есть М-паспорт. Даже у меня и Демиурга, хотя мы, как и все «мертвецы», полностью независимы от алгоритмов входа и выхода. Но только не от квадратов, которые могут где угодно подвергнуть нас проверке.

– Наверное, если я скажу, что потерял свои документы, ты мне не поверишь? – Я попытался робко отшутиться.

– О-о-очень смешно! – съехидничала Виктория. – Объясню тебе, дедушка, прописную истину. Через какой бы М-транслятор пользователь ни подключался к Менталиберту, ему всегда – подчеркиваю, всегда! – автоматически выдается М-паспорт. Это здесь, ежели у тебя хватает мозгов, ты можешь шифровать его данные, подделывать их и тому подобное. Но ни выбросить, ни потерять свое удостоверение личности ты просто физически не способен. Разве только вместе с головой, но и то останется дубликат на заднице или в подмышке.

М-паспорта либерийцев представляли собой едва заметный пигментный рисунок на кожном покрове, считываемый посредством особого излучения полицейских фонарей-идентификаторов. Строго индивидуальные клейма размером с электрическую розетку припечатывались каждому М-дублю на все перечисленные Кастаньетой участки тела. При желании можно было хорошенько приглядеться и рассмотреть эти метки невооруженным глазом. Еще на одной из наших первых встреч глазастая Викки обратила внимание на девственную чистоту моего лба, чему, конечно же, несказанно удивилась. Пришлось сознаться, что и в интимных местах у Созерцателя кроме волос и шрамов тоже нет ничего лишнего. В тот раз Наварро лишь озадаченно почесала макушку и поверила моей сказке о неклеяемом привидении. Но, как теперь выяснилось, все это время Викки разрабатывала свою версию моих анатомических странностей.

– Понятия не имею, что тебе ответить, – вконец растерялся я. Это в готических романах призраки только и ждут момента, чтобы поведать о себе душераздирающую историю. Меня же, наоборот, не тянуло выкладывать свою биографию, даже когда нашелся человек, готовый выслушать мои откровения. Очевидно, Созерцатель являлся неправильным призраком, но тут уже ничего не попишешь. – Сообщить тебе что-то новое я не в силах. Как и ваш Черный Русский, я – такой же продукт уникального технического сбоя. Автоном, чей хозяин безвозвратно покинул Менталиберт почти пятнадцать лет назад. Но по неведомой причине аннулирование М-дубля этого пользователя прошло некорректно, и я остался здесь таким, каков есть. Этим, и ничем иным, объясняется отсутствие у меня паспорта. Должен тебя огорчить, но с Черным Русским я не знаком и не в состоянии обнаружить его в М-эфире.

Может быть, он и впрямь существует, а может, Демиург прав и ваши лок-радары ловят лишь ментальную помеху.

Викки, разумеется, мой ответ изрядно огорчил. Насупившись, она залпом допила остатки «персикового» виски, засунула пустую бутылочку в боковой карман, решительно поднялась со скамьи и направилась к выходу.

– Вранье! – не оборачиваясь, громко прокричала Виктория на весь Храм. Голос обиженной прихожанки эхом заметался под каменными сводами. От этого казалось, будто не Викки, а статуя великомученика Пантолеона и изображенные на стенах святые взялись хором укорять меня в содеянном мелком грехе. – Ты всегда мне врал и опять врешь! Почему? Разве я хоть раз солгала тебе? Нет, ведь я считала, что мы – друзья! Видимо, ошибалась... Извини, но я не могу быть другом тому, кто мне не доверяет. Прощай!

Лязгнул отпираемый засов, ворота издали дежурный скрип, а затем с грохотом захлопнулись, и я вновь очутился в привычной тишине. Но теперь она показалась мне не такой уютной, как раньше. Каменный Пантолеон и нарисованные святые продолжали взирать на меня в отблесках несгорающих свечей с немим укором, разве что головами не качали. И не припоминаю, чтобы за полтора десятка лет мой Храм выглядел когда-нибудь таким недружелюбным.

– Чего уставились? Что, никогда не видели взбалмошную пьяную девку? – проворчал я и махнул рукой на безмолвных свидетелей: – А ну вас! Вы еще будете мне на совесть давить! Вот погодите, соберусь однажды и перекрашу стены во что-нибудь жизнерадостное. Посмотрим, что тогда запоете!

Я прогулялся до ворот, вновь запер их и вернулся на то место, где четверть часа назад предавался сну. Но Морфей, видимо, решил, что на сегодня его рабочая вахта окончена, и слинял, не дожидаясь утра. Я закрыл глаза, но, поняв, что о сне можно забыть, не нашел иного занятия, как мысленно догнать Викторию, дабы выяснить, сильно ли она оскорбилась.

Кастаньета не стала ловить кэб, чтобы присоединиться к друзьям, отправившимся в квадрат Гавайи, а неторопливо брела по Бульвару, понуриив голову и глядя себе под ноги. Народу в этот час на главной улице Менталиберта (Бульвар жил по гринвичскому времени) шло мало, но это была всего лишь очередная волна затишья, никак не связанная с предрассветным часом. Толчея могла возникнуть здесь в любую минуту. И только по преобладанию в толпе азиатских либо европейских и африканских лиц можно было судить, в каком полушарии Земли наступает ночь – самое подходящее время для походов по развлекательным квадратам М-эфирного мира, – а в каком – самый разгар трудовых будней. Но это, конечно, был лишь отчасти верный критерий, пригодный для приблизительных вычислений.

– Мерзавец! – бухтела под нос Викки. – Знаю, что сейчас ты меня слышишь, да и черт с тобой! Можешь так и написать на воротах своего Храма: «Здесь живет самый отъявленный мерзавец и лжец»! И пусть каждый в Менталиберте это увидит! Урод ты, а не призрак! Несчастный Квазимодо в своей убогой церкви! Трусливый неудачник, который мог бы жить, как все нормальные либериианцы, но панически боится свободы! И правильно: она не для таких несчастных слабаков, как ты!..

Не иначе, я и впрямь крепко разозлил Кастаньету. Однако на что она вообще надеялась, приставая ко мне со своими расспросами? Я к ней в друзья не набивался – это Викки нравилось приходить сюда и беседовать о том, о сем с пожилым призраком.

Впрочем, разве ее визиты не доставляли мне радость? Да, доставляли, чего там скрывать. Но где это видано, чтобы прихожанин устраивал допрос своему исповеднику, да еще в стенах его же Храма?! А с другой стороны, почему бы и нет, если тот и другой являются друзьями... Все-таки я действительно стал чересчур мнительным: взял и ни за что, ни про что обидел девушку. Кто обязывал меня хранить эту конспирацию? Никто. Во всем виновата моя боязнь привлекать к себе внимание и навлечь на свою голову лишние неприятности.

Отсюда следует, что Виктория права: я действительно был трусом, готовым пожертвовать ее дружбой, только бы сохранить привычный и необременительный для себя порядок вещей.

Нет, так дело не пойдет. Надо будет при следующем визите Кастаньеты непременно извиниться перед ней и во всем признаться. Вот только состоится ли он, этот визит? Баски – народ гордый, и горе тому, на кого они затаят злобу.

Я покачал головой и оставил Викки наедине с ее обидами. В конце концов, это попросту неэтично – подсматривать за кем-то исподтишка, будь он хоть другом, хоть посторонним человеком. Нынче и без того выдалась насыщенная событиями ночь. Я пережил прямо-таки целый шквал ностальгических воспоминаний. Сначала был разбужен посреди ночи, чего со мной не случалось с незапамятных времен. Затем – пожалуй, самая впечатляющая новость – узнал, что лок-радары «Дэс клаба» фиксируют присутствие Созерцателя в Менталиберте, да еще под настоящим именем, известным лишь единицам. Кого благодарить за это рассекречивание, я догадывался, ибо список подозреваемых был предельно короток и состоял всего из пары имен.

Ну и напоследок, впервые за долгие годы согласия с собственной совестью я пережил с ней первую размолвку. После стольких лет молчания эта стерва вдруг возвысила свой недовольный голос и принялась чихвостить меня, словно старая склочница! Мне следовало срочно придумывать способ, как ее уговорить, а иначе моему гармоничному душевному равновесию грозил настать конец. При всем разнообразии букета захлестнувших меня воспоминаний Созерцателю такая ностальгия была даром не нужна...

...А все же грех Арсению Белкину сетовать на незавидную судьбину, поскольку не каждому неудачнику доводилось загубить себе жизнь столь изощренным способом. И пусть в написании моей уникальной биографии поучаствовали многие люди – как обычные, так и, без преувеличения сказать, великие, – основную сюжетную канву для нее состряпал все-таки я. Это мне, тридцатилетнему романтику с большой дороги, пришла идея ограбить тот злосчастный броневик с алмазами, что принадлежал могущественной медиа-корпорации «Терра». А после получить пулю в голову и угодить на операционный стол профессора Элиота Эберта – гениального нейрохирурга, работающего на атакованную мной корпорацию и позарез нуждающегося в лабораторном материале для своих безумных экспериментов. В две тысячи восьмом году Элиот провел на мне – остывающем трупе – первую процедуру танатоскопии и сумел записать и сохранить предсмертные ментальные импульсы моего мозга, в коих была закодирована вся информация о моей личности. А через много лет тот же Эберт и его коллеги создали на базе этого экспериментального материала первого человека, которому довелось воскреснуть в виртуальном мире, сотворенном в только что открытом «Террой» М-эфире, именуемом в те годы ВМВ – Внешними Ментальными Волнами.

Если быть точным, то их первооткрывателем был германский академик Альберт Госс – светило мировой медицины. Он обнаружил окружающее нашу планету ментальное поле и сконструировал прототипы оборудования, что позволяло людям осуществлять при помощи ВМВ телепатическую связь друг с другом. Не получив, однако, должной признательности, академик с расстройства продал патент на свое открытие дальновидной «Терре», а сам с головой ушел в медицинские исследования, где впоследствии снискал гораздо большую славу. А медиа-корпорация подпрягла на разработку материалов Госса его бывшего коллегу Эберта. Получив в распоряжение высококвалифицированный персонал и неограниченный бюджет, Элиот в обстановке строжайшей секретности – «Терра» планировала монополизировать рынок внедрения в жизнь М-эфирных технологий – взялся закладывать фундамент современного Менталиберта.

Вскоре стало понятно, насколько огромен потенциал М-эфира. Но осваивать его и исследовать свойства непознанной субстанции было решено с простого – с игр, созданных

на ее основе. Так появились первые симуляторы жизни – симулайфы, фантастические виртуальные миры, к которым пользователи подключались посредством запущенного в широкую продажу М-эфирного оборудования. В отличие от аналогичных интернет-развлечений в симулайфе игрок действительно *жил*, а не играл в интерактивную игру на мониторе своего компьютера или видеоприставки. Надо ли говорить, насколько популярными стали сотворенные «Террой» ментальные игровые вселенные?

В первую очередь для их создания требовался креатор – человек, обладающий максимально развитым, гибким и активным воображением. Отыскать таких людей оказалось отнюдь не просто: было доказано, что построить у себя в голове предельно реалистичный, грандиозный и детализированный мир – даже по готовому сценарию – способны очень и очень немногие люди. Воистину талантливых креаторов отбирали путем тщательного тестирования и практически боготворили, помещая в максимально комфортные условия для работы и назначая огромные оклады и пенсии. Богатые фантазии креатора обретали М-эфирную форму, доводились до идеала целым штатом дизайнеров и корректоров и передавались подключенным к М-эфиру пользователям. А они в образе ментальных двойников-дублей путешествовали по симулайфам, понемногу привыкая жить двойной, а то и более жизнью.

Таковыми были первые симулайфы, отдельные М-эфирные образования, еще не объединенные в общую сеть – Менталиберт – и принадлежащие исключительно монополисту – «Терре». В одном из симулайфов Элиот Эберт и воскресил меня, возродив личность неудачливого грабителя Белкина из записанного четверть века назад ментального импульса, издаваемого мозгом умирающего человека. В реальности мое тело давно истлело в могиле, а в М-эфире я начал новую жизнь таким, каким я был на момент своей гибели – здоровым и еще полным надежд тридцатилетним мужчиной.

Мое посмертное существование выдалось отнюдь не легким. Мало того, что долгое время меня держали в неведении, заставляя верить, будто Арсений Белкин живет в загробном мире, так еще и вынуждали заниматься малоприятной работой по поддержанию порядка в симулайфе Терра Нубладо. Я был в нем кем-то вроде судьи и палача в одном лице. Я штрафовал игроков, которые играли не по правилам. А точнее, попросту отстреливал их (симулайф являл собой некую интерпретацию американского Дикого Запада) и тем самым, фигурально выражаясь, удалял нарушителей с игрового поля.

Затем волею судьбы меня переселили из Терра Нубладо в другой симулайф. И хоть он, в отличие от предыдущего, был откровенно сказочным, там я наконец-то обрел долгожданную свободу от всех обязательств перед «Террой» и даже сумел полюбить и создать семью, как бы абсурдно это не выглядело для персонажа М-эфирного спектакля. Однако не надо забывать, что если для кого-то симулайф считался только игрой, то для меня он с момента воскрешения был полноценной и единственной жизнью. И я всячески стремился прожить ее так, как всегда мечтал, но по собственной глупости лишил себя шанса сделать это в реальности.

Оглядываясь назад, сегодня можно уверенно сказать, что те пять лет, которые я прожил в образе сказочного Героя (не то чтобы слишком благородного, но все же куда более положительного, чем грабитель Белкин и жестокий судья Терра Нубладо), были самыми счастливыми годами в моей непутевой жизни. Я осознавал, что ни одна игра не длится вечно, и был готов к тому, что мое пребывание в этом замечательном симулайфе рано или поздно подойдет к концу. Так однажды и произошло. В один прекрасный день – хотя какой он, к чертовой матери, прекрасный? – я отправился дальше, на просторы Менталиберта, уже оформившегося к тому времени в прообраз современного М-эфирного океана.

Пока я целую пятилетку размахивал мечом, гоняя по своему уютному мирку всякую нечисть, и сожительствовал с красавицей-эльфийкой, в реальности многое изменилось. «Терра» лишилась монополии на свои разработки, правда, сохранив на себе «майку лидера»

в начатой вслед за этим гонке по освоению М-эфирного рынка. Симулайфы ныне плодились как грибы, поскольку ушлая медиа-корпорация открыла первый в мире институт по подготовке креаторов и начала выпускать их оттуда целыми партиями. И каждый выпускник горел желанием основать в ментальном пространстве как минимум один, а особо плодотворные – и по несколько миров. Естественно, формирование ментальной мультивселенной нуждалось в срочном упорядочивании, для чего и был сформирован в Лондоне Международный Административный Совет по контролю над М-эфирным полем Земли. Он выдавал креаторам лицензии на право работы в Менталиберте и поддерживал порядок на Бульваре – центральном узле новообразованной ментальной структуры – и тех ее подразделений, куда был открыт беспрепятственный доступ административным надзорителям – квадрокопам. В частных квадратах обязанность следить за порядком перекладывалась на их владельцев. Но если от либеррианцев поступали жалобы о творимом там произволе, власти Менталиберта лишали хозяев права на неприкосновенность собственности и пресекали беззаконие, вплоть до полного удаления проблемного квадрата из М-эфира.

Благодаря своей уникальности я – по сути, живой мыслящий человек – сумел без проблем выдать себя за обычного статиста, искусственного служаку, коих на Бульваре было пруд пруди. Чему в немалой степени способствовало отсутствие у меня подключенного к М-эфиру реального тела и, как следствие этого, либеррианского паспорта. Спасибо моим бывшим покровителям – они снабдили меня неплохим выходным пособием, которого мне вполне хватило на покупку жилья. Как и любой другой либеррианец, я мог при необходимости обходиться без пищи, но не был лишен остальных человеческих слабостей. Иногда я покидал Храм, чтобы развеяться: заглянуть в ближайший бордель-сауну (здесь это считалось вовсе не злачным местом, а вполне респектабельным заведением) или библиотечный бар. Иные общественные места меня не интересовали.

Квадрокопы ко мне практически не наведывались. А если и заглядывали на огонек, я выдавал себя не за хозяина, что при отсутствии паспорта являлось попросту невозможно, а за сторожа-статиста, нанятого владельцем для присмотра за его ментальной собственностью. Копы пожимали плечами и уходили. А что им еще оставалось? Просрочек по оплате аренды бульварной площади у анонимного содержателя пустующей церкви не было, других же претензий администрация ему предъявить не могла.

Откуда квадрокопам было знать, что сторож и владелец Храма Созерцателя – одно и то же лицо? Я зарабатывал на оплату аренды и свои мелкие жизненные радости за счет своего дара *видеть* Менталиберт целиком и проникать мыслью в любые его уголки, даже закрытые от посторонних глаз непроницаемыми М-рубежами. Этот талант помогал мне работать на порядок эффективнее любых М-эфирных поисковых систем, однако, чтобы не создавать им открытой конкуренции, я общался лишь с узким кругом доверенных клиентов, с которых, разумеется, брал – а точнее, драл – достаточно высокие гонорары за свои услуги. Никто не противился, поскольку добываемые мною сведения того стоили. То, что пользователю не удавалось добыть по официальным каналам, он мог обнаружить через меня, причем со стопроцентной гарантией. Моя репутация надежного альтернативного поисковика была безупречной, и, стало быть, я имел право устанавливать свои тарифы.

В ментальном мире для меня не существовало тайн, а если я о чем-то не знал, значит, данная информация была мне даром не нужна. В чем крылся секрет моей сверхпроницательности, объяснить сложно. Причин тому могло быть много. Но, на мой взгляд, самая логичная выглядела следующим образом. Очутившись в Менталиберте на раннем этапе его активного формирования и упорядочивания, я – полустатист, полулиберрианец – невольно стал частью этой сложной структуры. Можно даже сказать, это она сформировалась вокруг меня, а не наоборот.

Сознание Созерцателя являло собой нечто вроде горсти песка, брошенной в жидкий бетон М-эфира и полностью растворенной в нем. Это мизерное вкрапление никак не влияло на свойства раствора, зато позволяло мне находиться одновременно везде и всюду. Только лок-радары членов «Дэс клаба» сумели обнаружить мой размытый след, и то лишь потому, что ментальные волны прошедших танатоскопию «призраков» отчасти совпадали. Для прочих не знакомых со мной либерианцев я был и оставался обычным статистом, зрителем заброшенной церкви на Бульваре.

Забавные выкрутасы порой выписывает жизнь, не правда ли? В реальном мире мне было суждено дожить до тридцати лет, в М-эфирном я прожил в полтора раза дольше этого срока. На сегодняшний день я видел сотни искусственных миров, однако уже полвека не бывал в настоящей реальности – мире, где мне довелось родиться и прожить больше трети собственной жизни. Я даже понятия не имел, где и у кого хранится сегодня мое загрузочное досье – то самое, что было создано методом танатоскопии в две тысячи восьмом. Не исключено, что оно давно утрачено и мне при всем желании не суждено попасть на Полосу Воскрешения. Первая же моя гибель в Менталиберте грозила стать для меня последней, поскольку для восстановления такого досье требовались либо его копия, либо новое М-дублирование оригинального пользователя. И если насчет первого спасительного варианта во мне еще теплилась надежда, то по поводу второго все было предельно ясно.

В этом плане члены «Дэс клаба» имели передо мной преимущество: они точно знали, что копии их досье находятся в надежном месте и в случае чего будут оперативно отосланы на Полосу Воскрешения. Такое условие было прописано в контрактах, заключенных Викки и ее одноклубниками с частным институтом Элиота Эберта. До сей поры престарелый профессор-нейрохирург исправно исполнял взятые на себя обязательства. Однако в ночь моей ссоры с Викки – весьма дурацкой ссоры, надо заметить – я еще не подозревал, что минуют сутки, и все до одного контракты Эберта с двадцатью «мертвецами» будут аннулированы.

Я лежал на полу в своем Храме, вяло переругивался с ворчливой совестью и не ведал, что уже завтра моему спокойному существованию придет конец и я окажусь втянут в войну, аналогов которой в Менталиберте еще не было.

В мой новый мир готовилось войти чудовище, в сравнении с которым даже самый свирепые драконы сказочных гейм-квадратов выглядели беззубыми птенчиками. Кровавый Мичиганский Флибустьер и впрямь мог считаться в М-эфире монстром из другой реальности. Той реальности, где за пролитую кровь не начисляли очки опыта, а отправляли прямоком на электрический стул. Доминику Аглиотти довелось побывать в камере смертников, а вот в Менталиберте – пока ни разу. Но, как и положено матерому хищнику, Тремито быстро осваивался в незнакомой среде. Осваивался, чтобы учинить здесь беспрецедентную охоту за головами, причем не игрушечную, а самую что ни на есть натуральную...

Глава 5

Полученная Аглиотти фотография Элиота Эберта была сделана несколько лет назад. Доминик понял это, едва увидел, как выглядит профессор сегодня. Похоже, работавшие на де Карнерри сборщики информации не утруждали себя долгими поисками и всучили Щеголю устаревшие сведения, почерпнутые, не иначе, из публичных источников. На фото Доминика Эберт представлял собой довольно бодрого старика с ясными глазами и жизнерадостной улыбкой. Профессор, которого Аглиотти встретил в Миннеаполисе, был настолько немощным и обрюзгшим, что поначалу Тремито даже усомнился, а тот ли это Эберт, какой им необходим.

Взявшись по прибытии на место изучать обстановку, Доминик перво-наперво заставил Мухобойку проехать, не останавливаясь, мимо профессорского дома, чтобы определить степень риска при возможном насильственном вторжении к объекту. Район частных владений, где проживал Элиот, сплошь состоял из однотипных двухэтажных домов с верандами и выходящими на улицу аккуратными газонами. Их разделяли ряды невысоких подстриженных кустиков. Не слишком фешенебельное местечко, но вполне подходящее для проживания директоров маленьких институтов и прочей не бедствующей интеллигенции. Сам Тремито скрывался сегодня в подобном районе, разве только дом у него был одноэтажный да газон не такой широкий.

Приятели заметили хозяина нужного им особняка сидящим на веранде в инвалидном кресле с поникшей головой и закрытыми глазами. Колени старика укутывал толстый плед, а к спинке кресла была приторочена стойка с капельницей. Она, а также изможденное, со впалыми, как у трупа, щеками лицо профессора выдавали, что у него серьезные проблемы со здоровьем. Издалека и вовсе могло показаться, что Эберт мертв. Однако присматривающаяся за ним молодая полноватая женщина, что маячила в кухонном окне позади Элиота, не проявляла беспокойства, из чего следовало, что старик просто дремлет.

– Останови! – осененный внезапным решением, потребовал Доминик у водителя. – К черту все, пойдем сыграем в открытую. Боюсь, пока мы настроимся на беседу с этим мозгоправом, он и без нас Богу душу отдаст.

– Мне-то что? Ты – босс, тебе виднее, – как всегда, не стал спорить Гольджи. После чего затормозил и сдал автомобиль немного назад, припарковав его возле посыпанной гравием дорожки, которая пролегла через газон и упиралась в крыльцо профессорского дома.

Тремито нацепил на нос большие, в пол-лица, солнцезащитные очки – мало ли что? – покинул машину и зашагал к веранде. Томазо, не слишком обрадованный спонтанной инициативой босса, заблокировал дверцы и последовал за Аглиотти.

– Свяжись с Чико и остальными, передай, чтобы торчали в мотеле и ждали нашего приезда, – обернувшись, наказал Доминик Мухобойке. – Скажи, постараемся вернуться через пару часов. Если задержимся хотя бы на час, пусть выдвигаются к институту и делают то, что должны.

– О'кей, – откликнулся Гольджи и полез в карман за видеосетом...

Дремота старика была неглубокой, и он, расслышав скрип гравия под ногами незнакомца, открыл глаза, когда Тремито находился еще на полпути к веранде.

– Профессор Эберт? – поинтересовался Доминик, заметив, как хозяин, прищурившись, пялится на него спросонок растерянным взглядом. Женщина в доме в свою очередь заметила Аглиотти и Гольджи и пропала из поля зрения, видимо, направившись встречать неожиданных визитеров. – Элиот Эберт, я не ошибаюсь?

– А, это опять вы, черт бы вас побрал! – раздраженно прогнусавил старик. Тремито в недоумении изогнул бровь, но, к счастью, не угодил в неловкое положение, поскольку хозяин

тут же пояснил, за кого он принял идущего к нему человека в элегантном строгом костюме: – Ну что еще от меня нужно ФБР? Мы ведь, кажется, давно разобрались с тем, что танатоскопия – абсолютно законная процедура! Разве не так?! Разве не так, я вас спрашиваю?!

– Совершенно верно, профессор, – решил подыграть ему Аглиотти, которого вполне устроило такое начало разговора. Старик окрысился на гостя, будучи уверенным, что тот – федерал, и вряд ли теперь потребует у него служебное удостоверение. Так почему бы Тремито и впрямь не побыть немного в шкуре одного из своих заклятых врагов?

– Из-за вас я потратил на адвокатов все свои сбережения! Мне теперь на лекарства денег не хватает! – продолжал негодовать Эберт, потрясая иссушенной болезнью костлявой рукой. – Проклятые законники! Вы всю жизнь преследуете меня и не оставите в покое даже сейчас, когда мне осталось жить на этом свете какой-то жалкий месяц! Пропадите вы пропадом!

Доминик выслушивал брань профессора и спешно соображал, как извлечь из сложившейся ситуации максимальную выгоду. За своего тугодума-напарника он не переживал. Мухобойка не раскроет рта без приказа и потому не испортит ненароком этот занятный спектакль. Пока же Тремито продумывал тактику действий, на веранде появилась присматривающая за стариком миловидная толстушка в хозяйственном фартуке. В руках у нее было кухонное полотенце – гости явно оторвали женщину от домашних хлопот. Возможно, она все-таки попросила бы у Аглиотти документы, но разошедшийся не на шутку Элиот не дал толстушке и слова сказать.

– Взгляни, Мойра, – это опять они, чертовы дознаватели! – воскликнул Эберт при виде женщины. – О Господи, ну почему они не дадут мне спокойно умереть?

– Успокойся, папа. Не надо нервничать, прошу тебя. – Мойра заботливо обняла старика, после чего недовольно обратилась к визитеру: – Что вам опять от нас угодно, мистер?..

– Старший следователь по особым делам чикагского отделения ФБР Фрэнк Лоу, мэм, – подчеркнуто вежливо ответил Доминик, заметив на руке профессорской дочери обручальное кольцо, и кивнул на приближающегося к ним Томазо: – Мой напарник Джастин Гринберг. Уверяю, вам незачем так переживать. Мы просто зададим вашему отцу ряд вопросов о некоторых его бывших коллегах по «Терре», и только. Наше дело никак не касается вашей семьи – это всего-навсего обычная бумажная формальность. Приносим вам обоим извинения за беспокойство, но нам очень необходима консультация профессора.

Взгляд толстушки продолжал оставаться таким же недружелюбным, но она не стала отказывать гостям в их просьбе. «Да, – подумал Тремито, – видать, и впрямь крепко потрепали вас гребаные законники. Знакомая история, чего там говорить».

– Ты слышал, папа: нечего волноваться, – утешила Мойра все еще трясущегося от негодования, но прекратившего браниться отца. – Эти джентльмены здесь совсем по другому делу, не переживай. Идемте в дом, мистер Лоу. Папе надо принять успокоительное.

– Еще раз приносим свои извинения, мэм. – Аглиотти выдавил скупую улыбку и, придержав дверь, помог женщине вкатить кресло со стариком в прихожую. Мухобойка напоследок внимательно оглядел улицу и вошел в дом за ними.

– В доме есть еще кто-нибудь, мэм? – любопытствовал Доминик и уточнил: – Хотелось бы поговорить с мистером Эбертом с глазу на глаз, поскольку наши вопросы носят конфиденциальный характер.

– Тогда пойдемте в рабочий кабинет папы, – предложила Мойра и, развернув кресло, покатила отца по коридору первого этажа.

Напоив старика какими-то таблетками, женщина попросила мистера Лоу долго не утомлять больного и покинула кабинет, оставив гостей и хозяина одних. Томазо проверил, плотно ли прикрыта дверь, и остался стоять возле нее, а Доминик взял стул и уселся напротив Эберта. Профессор тяжело дышал и взирал исподлобья на «федерала» мутными слезя-

щимися глазами. Гнев Элиота унялся, однако окончательно не прогорел, продолжая тлеть в нем бездымными, но жаркими углями.

– Чем вы больны, профессор? – осведомился Тремито, но уже без дежурного участия, а с холодным равнодушием.

– Не все ли вам равно? – огрызнулся престарелый нейрохирург. – Пусть вас под старость тоже так скрутит! Радуйтесь, мерзавцы, вы своего добились: врачи сказали, что к осени я уже гарантированно сыграю в ящик!

– Что ж, если не забуду, непременно пришло на ваши похороны венка, – криво ухмыльнулся Аглиотти. – А то от Бюро вам наверняка и скромного букетика не достанется. ФБР – не та организация, которая относится почтительно к своим врагам, уж поверьте на слово.

Глаза Эберта округлились от удивления, а подбородок задрожал. Доминик мог поспорить, что даже наиболее ярые враги-федералы Элиота сроду не разговаривали с ним в таком циничном тоне. Это с отребьем вроде Тремито следователи не церемонились и частенько допускали по отношению к нему брань и рукоприкладство. А Эберт был все-таки уважаемый интеллигентный человек, светило нейрохирургии, и в чем бы он ни провинился перед законом, блюстители правосудия никогда не стали бы перед допросом профессора скидывать пиджаки и закатывать рукава на рубашках.

– Кто вы такой? – дрожащим голосом просипел старик. – Вы не из ФБР?

– Угадали, – подтвердил Аглиотти. – Мы – не из Бюро и не из полиции. Я и мой друг представляем интересы одного уважаемого человека, которому кое-кто из ваших клиентов причинил очень крупные неприятности. Вы, профессор, тоже косвенно к этому причастны. Так что настоятельно рекомендую не скандалить и не артачиться, а помочь нам урегулировать проблему, чтобы спокойно дожить оставшийся вам срок.

– Прочь из моего дома! – зашипел Эберт, вновь впадая в ярость, и набрал в грудь воздуха, очевидно намереваясь позвать Мойру. Но Тремито пребывал начеку: вскочил со стула и вмиг очутился за спиной хозяина, успев зажать ему рот до того, как Элиот выкрикнул хотя бы слово.

– Даже не вздумайте, профессор! – угрожающе зашептал сицилиец, наклонившись к уху старика. Тот попытался вырваться, но лишь беспомощно заскреб пальцами по рукаву визитера. – Тихо, кому говорят! Или сейчас я сам позову вашу дочь, а мой приятель позабавится с ней прямо здесь, на ваших глазах! Хотите, чтобы я это сделал? Хотите или нет?!

Эберт энергично замотал головой и умоляюще замычал зажатым ртом. Заложник прекратил жалкие попытки бороться с Тремито и обессилено уронил руки на колени.

– Здравое решение, – похвалил профессора Доминик, даруя тому свободу и возвращаясь на стул. – Надеюсь, мы поняли друг друга.

– Пресвятая дева! Так вот, оказывается, что вы за публика! – едва дыша от испуга, пролепетал Эберт. – Ладно-ладно, я расскажу вам все, что знаю, только не надо насилия! Однако клянусь, я не понимаю, в чем перед вами провинился.

– Значит, вы не в курсе, что случилось не так давно в Менталиберте, а конкретно – в квадрате Палермо?

– Дорогой мистер э-э-э... Лоу! – укоризненно покачал головой Элиот. – Я смертельно болен и полгода как ушел с руководящего поста, поэтому не слежу за ситуацией в М-эфире. Сегодня институтом управляет мой заместитель Абрахам Эванс, и он уже давно не присылает мне ни сводок, ни отчетов. Я сильно отстал от жизни, мистер Лоу, поскольку утратил всякий интерес гнаться за ней. Буду признателен, если перед тем, как задавать мне вопросы, вы хотя бы в общих чертах расскажете, в чем заключается ваша проблема.

– Наша проблема – это «Дэс клуб», – лаконично уточнил Аглиотти. Посвящать Эберта в детали палермского инцидента не имело смысла, и Доминик оставил просьбу старика без ответа. – У нас есть точная информация, что ваш институт покровительствует этой террори-

стической организации, а следовательно, вам должно быть о ней многое известно. Например, настоящие имена и адреса ее членов. Вы – единственный провайдер, услугами которого пользуются эти М-эфирные террористы. Сказать по правде, я не вижу логического объяснения тому, с чего бы вдруг такому серьезному учреждению, как ваше, оказывать поддержку грязным панкам из «Дэс клуба». Кроме, пожалуй, одного: все они работают на вас! Из чего можно сделать вывод, что ваша нейрохирургическая клиника втайне проворачивает противозаконные операции, о чем догадывается и Бюро. Я прав, профессор?

– Нет, мистер Лоу, не правы. ФБР насело на меня после того, как прознало о ряде специфических исследований, проводимых моим институтом, а вовсе не из-за каких-то там... теневых делишек. Пятьдесят лет назад, когда я еще проживал в Англии, меня по аналогичной причине столь же рьяно преследовал Скотланд-Ярд. Я полжизни провел под колпаком спецслужб, меня не однажды вызывали в суд, но всегда оправдывали, потому что я никогда не переступал рамок закона. Однако многим не нравится то, чем я занимаюсь, мистер Лоу, очень многим. Духовенство – то вообще готово меня живьем сожрать. Но в медицине такова участь любых первопроходцев, вспомните хотя бы Авиценну или Парацельса... Когда-нибудь люди поймут значимость моего открытия, но сегодня человечество до него еще морально не доросло. Вот лет через сто, а может, и больше...

– Нас не интересует ваша историческая роль в медицине, профессор, – оборвал Тремито ударившегося в разглагольствование Эберта. – Выкладывайте, что вам известно о «Дэс клубе»!

– Извините старика, джентльмены – отвлекся... – Хозяин взял стоящий рядом с ним на столике стакан с водой, поднес его трясущейся рукой к губам и сделал несколько судорожных глотков. – Да, разумеется, «Дэс клуб»... Сказать по правде, когда вы впервые упомянули о нем, я ничуть не удивился – эти ребята давно нарывались на неприятности, сколько мы их ни предупреждали. И вот, пожалуйста, доигрались... Я могу предоставить вам имена и адреса членов «Дэс клуба», мистер Лоу. Только боюсь, моя информация окажется для вас бесполезной. Потому что все двадцать членов этого клуба уже мертвы.

– Мертвы? – переспросил Доминик, недоверчиво прищурившись. – Я не ослышался, профессор?

– Нисколько, – подтвердил Элиот и вытянул перед собеседником свои дряблые ладони. – Я убил их вот этими руками. Всех до единого. А потом продал их тела в Международный Банк Органов, как и было оговорено в наших контрактах... Нет, джентльмены, это вовсе не бред умирающего, а истинная правда. И именно поэтому ФБР начало меня преследовать. Его не волнует, что каждый из членов «Дэс клуба» дал свое добровольное, юридически заверенное согласие на прохождение процедуры танатоскопии. Бюро не успокоилось, пока не высосало из меня все соки и не убедилось, что все легитимно! Будь прокляты такие идиотские законы и те, кто их принимает!..

В течении последующей четверти часа Аглиотти был вынужден прослушать сначала пятиминутную лекцию о танатоскопии, а иначе он ни за что не вник бы в ситуацию. Потом – короткую историю зарождения, пожалуй, самого уникального сообщества Менталиберта. Решившая провести в это время самочувствие отца Мойра была грубо отправлена профессором обратно на кухню, получив вдогонку наказ больше не приближаться к дверям кабинета.

Вскрывшаяся правда поставила Тремито в тупик. Если Эберт не лгал – а, скорее всего, так оно и было, – дело о поиске убийцы дона Дарио принимало непредсказуемый оборот. Оно не имело прецедента в истории не только семьи Сальвини, но и других сицилийских семей, коим еще не приходилось сводить счета с призраками давно умерших врагов.

Доминик был уверен, что в связи с его невозможностью открыто передвигаться по стране его участие в этом деле ограничится лишь поездкой в Миннеаполис. Маловероятно,

что буянившая в квадрате Палермо сучка в красном проживает поблизости от Чикаго или того же Миннеаполиса. Она могла подключиться к Менталиберту из любой точки мира, и разбираться с нахальной *cagnetta* и ее друзьями, скорее всего, предстояло кому-то другому, только не Аглиотти.

А теперь все складывалось так, что карать в действительности было некого. Нет, конечно, в запасе у Трезубца оставались еще проживающие по свету родные и близкие членов «Дэс клаба», однако и тут возникала одна загвоздка. Со слов Эберта, каждый из согласившихся на танатоскопию пациентов не больно-то ладил со своей родней, а некоторые и вовсе находились с ней в открытой вражде. Оно и понятно: вряд ли кто-то решит добровольно разорвать отношения и уйти навсегда из дружной счастливой семьи, променяв ее на Менталиберт. Де Карнерри мог при желании вырезать семьи всех двадцати «мертвецов», но что бы это дало Щеголю, кроме сомнительного морального удовлетворения и новых проблем с законом? М-эфирные панки из «Дэс клаба» как жили, так и будут продолжать жить в свое удовольствие, наплевав, что где-то в реальности Южный Трезубец проливает кровь их давным-давно забытых родственников.

Доминику не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы предсказать: когда Массимо узнает все нюансы этого дела, он выберет иную стратегию ответного удара. Таковую, которая тоже пока не имела аналогов в истории межклановых войн сицилийцев...

– Если вам это интересно, то идея создания «Дэс клаба» принадлежала вовсе не мне, – признался Эберт. – Один из работавших на меня креаторов – Грег Ньюмен, чертовски талантливый в своем деле парень – был в курсе, что я провожу на животных опыты по танатоскопии. Единственное, что мне не удавалось, это переселить ментальных двойников собак и шимпанзе в М-эфир. Загвоздка в том, что он принадлежал исключительно нам, людям, и полностью отторгал иной разум. Не потому, что сознание братьев наших меньших несовершенно – просто оно функционирует абсолютно по-другому. Мои эксперименты буксовали, и как ученый я был в отчаянии. И вот однажды Грег пришел ко мне с шокирующим предложением выступить в качестве добровольца и помочь завершить мою застопорившуюся работу. И я согласился, хоть и понимал, что человек идет на такой шаг не от хорошей жизни. Бывшая супруга Ньюмена крепко нагрела его на бракоразводном процессе, и Грег был фактически разорен. Вдобавок у него намечались крупные нелады с законом; кажется, что-то связанное с налоговыми махинациями. В общем, я пошел ему навстречу, а он в качестве ответной благодарности завещал институту свое тело. Мистер Лоу, вы имеете представление, сколько сегодня на рынке органов стоит натуральный, а не клонированный товар? Это ведь баснословные деньги! Благодаря Ньюмену наш маленький институт сумел рассчитаться почти со всеми кредиторами, а Грег ловко выкрутился из своих неприятностей, навсегда переселившись в Менталиберт.

– Грег Ньюмен – это и есть тот самый Демиург, который теперь руководит «Дэс клубом»? – спросил Доминик.

– Верно, речь идет о нем, – кивнул Эберт. – Мой креатор всегда был неугомонным малым, поэтому, угодив в Менталиберт, он сразу же развернул в нем кипучую деятельность. Мы попросили Ньюмена не распространяться о том, каким образом он получил «вид на жительство» в М-эфире, но Грег нас не послушался. На всех углах он, конечно, о себе не трепался, однако выдал секрет многим своим друзьям. За нарушение договоренности мы хотели было в отместку расторгнуть с Демиургом контракт, но потом...

– В смысле, вы собирались уничтожить его загрузочное досье? – перебил собеседника Аглиотти, быстро вникающий в прежде незнакомую для себя ситуацию.

– Ну да, а как иначе мы могли призвать к ответу вышедшего из-под контроля либерianца? – с неохотой признал старик. – Но Грег уговорил нас этого не делать, предложив весьма заманчивую сделку...

– Регулярную поставку «на убой» тех, кто разочаровался в жизни и решил навечно раствориться в М-эфире? – догадался Тремито, не дожидаясь, пока профессор подыщет упомянутой сделке цивилизованное определение. – Людей с неуравновешенной психикой, но с отменным физическим здоровьем, чтобы они были в состоянии заплатить вашему институту за сеанс танатоскопии.

Эберт лишь молча развел руками: дескать, все правильно; что тут еще можно добавить?

– Значит, самое ценное, чем обладают члены «Дэс клаба», – это их загрузочные досье? Как интересно! – Аглиотти откинулся на спинку стула и с победоносным видом скрестил руки на груди. – Вернее, я оговорился: не «мертвецы», а вы являетесь полноправными распорядителями этих мнемофайлов! В скольких копиях они существуют?

– В трех, – опустив глаза, ответил профессор после короткой паузы. – Оригинал находится в постоянной готовности к отправке на Полосу Воскрешения у оператора М-транслятора, а две копии хранятся в институтском мнемоархиве.

– Как извлечь оттуда эти файлы?

– Никак, мистер Лоу. Для мнемофайлов еще не изобретено материальных носителей. Все операции с ними возможны лишь в пределах М-эфира. Мы можем переслать их со своего М-транслятора на любой другой, креатор которого в данный момент подключен к Менталиберту, – это единственный вариант заполучить досье «Дэс клаба». Только здесь я вам уже ничем помочь не могу. Сегодня в институте всем распоряжается Абрахам Эванс. Но, насколько мне известно, неделю назад он с семьей улетел в отпуск в Европу, а без него никто не вправе осуществлять операции с ценными мнемофайлами.

– И черт с ним, с Эвансом. Сотрудники института дежурят на трансляторе круглосуточно?

– Разумеется. Помимо контроля над «Дэс клабом» у них в М-эфире много другой важной работы.

– Дежурный имеет доступ к загрузочным досье пациентов?

– Да, но только к тем, которые находятся в банке оперативной памяти транслятора. К архивным документам у дежурной бригады нет доступа.

Имевшаяся у Аглиотти информация о службе безопасности института совпадала с той, что была известна Эберту: пять охранников, трое из которых патрулировали периметр, а двое постоянно находились в главном здании. При желании группа Тремито могла бы ворваться на институтскую территорию и попросту перебить охрану, но у Доминика были соображения, как обойтись без паники и шума. В свете только что узнанных фактов штурм здания являлся для сицилийцев невыгодным. Обычное уничтожение досье – изначально запланированная Щеголем диверсионная акция – было чревато не теми последствиями, на какие рассчитывал де Карнерри. «Мертвецы» не кинутся перерегистрироваться к администратору, ибо они не нуждаются в алгоритме входа-выхода. Все, чего добился бы Аглиотти, продолжай он действовать по плану, – сделал бы членов «Дэс клаба» смертными. Ощутили бы они каким-то образом на себе эту перемену, неизвестно. Но разыскивать их после этого в Менталиберте для окончательного уничтожения будет крайне муторным, а скорее вообще невыполнимым делом. Скользкие «мертвецы» быстро почуют опасность и тут же рассеются по безграничному М-эфиру, только их и видели.

Доминик намеревался выйти на связь с доном Массимо и попросить того срочно отрядить ему в подмогу толкового креатора для приема стратегически важной информации. А уж как подобраться к нужным мнемофайлам, Тремито сориентируется...

– Что ж, профессор, благодарю вас за консультацию. – Выяснив все, что ему требовалось, Аглиотти поднялся со стула и ободряюще похлопал старика по плечу. – Я рад, что вы проявили благоразумие, и, надеюсь, сохраните его до вашего последнего часа. Вам повезло: у вас хорошая заботливая дочь. Непременно вспомните о ней, если вдруг надумаете пове-

дать кому-нибудь о нашем разговоре. Не падайте духом – в конце концов, рано или поздно все мы *там* будем.

Эберт не ответил и даже не посмотрел на Доминика. Сгорбившись, он понурил голову и закрыл лицо ладонями, будто пытался сдержать слезы. Впрочем, не исключено, что Элиот и впрямь плакал. Гости не посвящали его в свои дальнейшие планы, но старик несомненно догадался, что плоды его долгих кропотливых исследований обречены и уйдут в небытие гораздо раньше, чем он. Элиот Эберт только что ступил на путь, идущий через Чистилище, и самое тяжкое заключалось в том, что для профессора этот путь начался еще при жизни...

Глава 6

По мнению Аглиотти, институт – это было чересчур громкое название для заведения Эберта. В чикагском пригороде, где ныне скрывался Мичиганский Флибустьер, такое же по размеру здание занимала метеорологическая станция, находившаяся неподалеку от его дома. Т-образное двухэтажное строение, парадный вход в которое располагался в торце длинного крыла, стояло в центре обнесенной чугунной оградой территории площадью с бейсбольное поле. Кроме института, на огороженном участке имела еще пара хозяйственных построек, не то гаражей, не то складов. Главные ворота были оборудованы аккуратно напротив парадного входа, а контрольно-пропускной пункт состоял из обычного турникета и маленького остекленного павильона охраны. Даже при беглом взгляде на институт экспериментальной нейрохирургии становилось понятно, что никакие секретные исследования в нем не ведутся, а создан он Эбертом лишь потому, что пожилой гений с причудами не желал сидеть без дела после своего ухода из «Терры».

Институт располагался на краю лесопарковой зоны, что тянулась вдоль Миссисипи на несколько миль, и был со всех сторон окружен деревьями. Однако, не доезжая полумили до детища Эберта, Аглиотти со товарищи наткнулись на здание полицейского участка. Видимо, этим, а не безалаберностью хозяев научного заведения и объяснялся маленький штат институтской охраны. Охранники на воротах и внутри здания были готовы в любой момент нажать тревожную кнопку и вызвать себе в подмогу наряд полиции. Это обстоятельство создавало для Тремито определенные затруднения и вынуждало предельно тщательно скоординировать атаку на институт.

Рассредоточив под покровом ночи людей вокруг охранного периметра и вычислив сектор обзора видеокамер, Доминик и Мухобойка взяли на себя, как выразился Томазо, «прорыв по центру поля». Парочка сотрудников службы безопасности неизменно прохаживалась вдоль внутренней стороны ограды, в то время как их третий коллега отдыхал, сидя в павильоне у турникета. Приблизительно раз в час один из патрульных менял постового и отправлял его вместо себя по маршруту. Высокие декоративные кусты, посаженные по бокам идущей к парадному входу аллеи, не позволяли рассмотреть главный охранный пост в вестибюле здания. Впрочем, сидевший там за пультом охранник тоже не имел возможности видеть из окон проходную. Он мог следить за ней только посредством закрепленной над турникетом видеокамеры.

Нацепив на ухо аудиогарнитуру переговорного устройства, Тремито проверил связь, пронаблюдал за пересменкой охранников и вместе с Томазо выдвинулся к воротам. Дабы лишний раз не возвращаться к машине, оба тащили по контейнеру с оборудованием.

Пересекать просматриваемый с пульта турникет приятели не стали. Подождя, пока вернувшийся с патрулирования постовой отлучится в туалетную кабинку, Доминик достал баллончик-распылитель и забрызгал снаружи оконный пролет павильона специальной клейкой пеной. Раствор прилип к стеклу и моментально затвердел до эластичного состояния, после чего Гольджи, не мешкая, ударил по окну маленькой кувалдой. Стекло разбилось вдребезги, но склеенные между собой осколки не разлетелись и не зазвенели, а упали внутрь павильона цельным квадратом этакой мозаики, посаженной на резиновую основу.

Разумеется, хулиганская выходка сицилийцев не обошлась без шума, но шум этот был не чета тому, который мог раздастся на проходной, высадил злоумышленники окно обычным варварским методом. Обеспокоенный охранник тут же закопошился в туалете, но едва он распахнул дверцу кабинки, как ему в грудь вонзился шприц с быстродействующим транквилизатором, выпущенный Домиником из пневматического ветеринарного пистолета, коими сицилийцы запаслись еще в Чикаго (несмотря на свою одиозную репутацию, Мичиганский

Флибустьер не любил оставлять за собой лишние трупы). Постовой даже не сообразил, откуда стреляли, только и успел выдернуть шприц да сделать пару шагов, а затем без сознания рухнул на пол, чуть не врезавшись лбом в кофейный автомат.

Приятеля по очереди влезли в окно, и, пока Томазо «упаковывал» бесчувственного охранника при помощи скотча, Аглиотти связался с остальными напарниками и дал им добро на нейтрализацию патрулирующей территорию парочки. Стрелки, вооруженные такими же пневмопистолетами, дождались, когда каждый из патрульных покинет ненадолго зону видимости камер – такие участки имелись там, где асфальтовая дорожка периметра проходила через островки декоративного кустарника, – и поочередно вырубили обоих блюстителей порядка.

Теперь Тремито следовало поспешать. Через минуту дежурный на пульте заметит, что патрульные куда-то запропастились, а еще через одну, когда те так и не появятся перед видеокамерами, – поднимет тревогу. Возможно, только внутреннюю, без привлечения полиции, но и локальный переполох был злоумышленникам совершенно не нужен.

Взяв со стола в павильоне какой-то бланк, Доминик подхватил свой контейнер и, оставив Гольджи на проходной, торопливой походкой направился прямо к парадному входу в здание. Аглиотти намеревался блефовать, что было крайне рискованно, но только так он имел возможность проникнуть в институт без лишнего шума. К тому же, представ пред очи дежурного в одиночку, ночной посетитель мог вызвать у того минимальные подозрения и имел максимальный шанс на то, что тревожная кнопка останется не нажатой.

Тремито пересек аллею и, не таясь, взбежал на невысокое институтское крыльцо. После чего с досадой понял, что угодил в щекотливое положение. Со слов Эберта, второй охранник в здании был обязан неотлучно находиться на верхнем этаже, у М-транслятора, вместе с ночной операторской сменой. Однако сейчас Аглиотти наблюдал очевидное нарушение режима безопасности, поскольку оба охранника торчали у пульта, попивали кофе и живо беседовали о чем-то явно отвлеченном. Появление на освещенном крыльце постороннего человека с громоздким контейнером в руке не могло остаться незамеченным, поэтому идти на попятную Доминику было поздно. Чертыхнувшись про себя, он решил не отклоняться от плана.

Как ни в чем не бывало, Доминик подошел к запертой стеклянной двери, опустил на крыльцо ношу и, держа на виду взятый на проходной бланк, приветливо помахал заправившим его охранникам. Те переглянулись, поставили кружки с кофе на пульт, после чего один из сотрудников сунул валявшуюся тут же дубинку в поясной чехол и нехотя направился ко входу. Второй охранник – судя по всему, начальник смены – взял с пульта переговорное устройство и, состроив сердитое лицо, начал что-то кричать в микрофон. Разобрать, что именно, Тремито мешало толстое стекло, но он был уверен, что дежурный связывается с постом на проходной. Аглиотти надеялся, что сидевший там Мухобойка достаточно убедительно отыграет роль усыпленного охранника. Ну а то, что ночной посетитель умудрился каким-то образом прошмыгнуть незамеченным мимо камеры, станет уроком для этой парочки сотрудников: службу надо нести бдительно, не отвлекаясь на досужий треп.

Судя по всему, Томазо, представившийся именем, написанным на нагрудной табличке настоящего привратника, убедил начальника, что беспокоиться не о чем и у визитера есть в наличии все необходимые бумаги. Отложив коммуникатор, раздраженный дежурный открыл раздвижную дверь и тоже направился встречать посетителя, также не забыв при этом прихватить с собой дубинку.

– Компания «Мичиган экспресс», срочная доставка оборудования, – дружелюбным голосом представился Аглиотти, демонстрируя приближающимся охранникам фиктивный бланк. Сам злоумышленник оставался на месте, вынуждая противников отойти как можно дальше от пульта с тревожной кнопкой. – Прошу прощения, я должен был доставить груз

днем, но в пути случилась непредвиденная задержка. Куда это отнести и к кому обратиться, чтобы завизировать накладные?

Подошедший первым охранник взял у посетителя бумагу, взглянул на нее и в недоумении наморщил лоб. Доминик понятия не имел, что за бланк он захватил в дежурке, но это точно были не пропуск и не товарная накладная.

– Что за ерунду ты мне подсунил?! – возмутился страж института, отрываясь от чтения документа. После чего еще больше оторопел, глядя, как курьер стреляет из невесть откуда взявшегося у него в руке бесшумного пистолета в приближающегося босса. А тот при виде нацеленного на него оружия выхватил дубинку, но, получив инъекцию транквилизатора, не успел добежать до злоумышленника и мешком плюхнулся ниц.

– Ах ты!.. – задохнулся от гнева проверяющий документы охранник и, отшвырнув бланк, тоже схватился за дубинку. Тремито упредил его агрессивные намерения пинком в пах, а когда противник согнулся от боли, двинул ему рукояткой разряженного пистолета по темечку.

– Подтягивайтесь! – лаконично приказал он товарищам через коммуникатор, давая понять, что теперь можно действовать не таясь.

Следующие пять минут налетчики потратили на то, чтобы обезопасить собственное пребывание в захваченном институте. Все находящиеся в невменяемом состоянии охранники (последнего из них, оглушенного Тремито, решили от греха подальше тоже накачать снотворным) были накрепко связаны и брошены в кустах неподалеку от ворот. За ними поручалось следить Чико Ностромо. Он переоделся в униформу местного сотрудника безопасности и остался на проходной пускать пыль в глаза тем полуночникам, какие могли нагряться сюда во внеурочный час. Пока братья Саббиани, Косматый Джулиано и Мухобойка разбирались с охраной, Тремито немного похозяйничал на центральном пульте: отключил в институте систему видеонаблюдения, разыскал и на всякий случай – мало ли где сицилийцы уже успели засветиться – уничтожил сегодняшние записи с камер слежения, а также настроил свое переговорное устройство на служебный канал охранников. Теперь любой радиосигнал, поступающий на пульт, автоматически переадресовывался на коммуникатор Аглиотти, и главарь захватчиков мог при надобности выдать себя за начальника охраны. Кроме, разумеется, безальтернативной ситуации, если кто-нибудь из вышестоящего начальства вдруг потребует от Доминика произвести доклад по форме. Тут уж Тремито крыть будет нечем, но сейчас его меньше всего волновал этот нюанс. Имелись сложности и поактуальнее.

Даже не зная сицилийцы заранее, в каком крыле института расположен М-транслятор, они могли легко вычислить это еще снаружи по светящимся в ночи окнам. Для пущей гарантии осмотрев коридоры нижнего этажа и обнаружив там лишь запертые опечатанные двери, квинтет головорезов натянул на лица черные маски-шапочки, поднялся с контейнерами на второй этаж, дошел до нужного крыла и всем скопом ворвался в трансляционную студию.

Тремито не доводилось раньше бывать в таких местах, и поначалу ему показалось, что он с приятелями угодил в заставленный медицинским оборудованием стоматологический кабинет. Сходство с ним придавали два комфортных мягких кресла, стоящих на небольшом возвышении в центре зала. Поверх подголовников кресел крепились специальные антенны для приема и передачи М-эфирных волн – так называемые М-порталы. По форме антенны напоминали цветки ромашек со слегка загнутыми вверх лепестками полуметровой длины. В отличие от остальной студийной техники, предназначение этой не являлось для Аглиотти загадкой. Подобный М-портал, только поменьше и не такой навороченный, был когда-то у его покойного сына Серджио, обожавшего посещать детские интерактивные М-шоу. Это же оборудование явно относилось к классу сенсоров – профессиональных устройств, допуск для работы с которыми выдавался только дипломированным креаторам.

Дежурная смена в студии состояла из трех сотрудников: двое копошились возле пультов и мониторов, а один – судя по всему, креатор – возлежал в служебном кресле, откинув голову назад и закрыв глаза. Приятели Доминика без лишних криков и угроз повытаскивали ошарашенных операторов с рабочих мест, однако, когда братья Саббиани собрались было проделать то же самое с погруженным в М-эфир креатором, Тремито их остановил:

– Не надо! Так мы его покалечим, а он нам еще понадобится! – И ткнул пальцем в ближайшего заложника. – Ты! Даю тебе три минуты, чтобы вывести этого человека из Менталиберта! Время пошло!

Растерянный оператор взялся исполнять распоряжение без особой спешки, из чего Доминик понял, что определил ему не слишком суровый временной норматив. Но Аглиотти не стал торопить заложника. Пусть лучше сделает все по науке, чем напортачит с алгоритмом выхода своего коллеги из М-эфира и похерит Тремито все дальнейшие планы.

– Что вам нужно? – проблеял едва живой от страха второй оператор – самый старший из трех работников студии. Прикрепленная к его лабораторному халату нагрудная табличка извещала, что фамилия пожилого лаборанта – Портмен. – Кроме оборудования, здесь нет ничего ценного! Если вам нужны лекарства, они хранятся внизу, в медицинском секторе!

– Твой напарник – креатор? – любопытствовал Тремито, указав стволом пистолета – на сей раз уже боевого, а не пневматического, – на все еще пребывающего без сознания человека в М-портале.

Портмен утвердительно кивнул.

– Он знаком с процедурой пересылки мнемофайлов? – задал Доминик следующий вопрос.

– Не знаю... Наверное, – промямлил заложник. После чего смекнул, что налетчики не поверят, будто он – работник М-транслятора – не владеет такой информацией, и мигом поправился: – Да-да, конечно, Лео может пересылать мнемофайлы. Только ему нужны точные координаты креатора, готового принять информацию. Вы это, мистер... лучше у самого Лео спросите, он вам наверняка скажет, а мы с Джеком – всего лишь ассистенты...

– В чем дело, парни?.. – Возвращенный в реальность креатор приподнялся в кресле и начал тереть глаза, видимо, привыкая к яркому освещению студии. – Что за экстренный вывод? Мне по графику еще три часа работать...

И чуть было не грохнулся от неожиданности на пол, когда заметил нацеленный ему в лицо пистолет Гольджи.

– Как самочувствие? – осведомился Доминик у приведенного в сознание творца виртуальных миров. Ассистирующий ему при выходе Джек продолжал топтаться возле коллеги, словно бандиты пообещали пристрелить их, как только они двинутся с места. Что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

– Сп-п-пасибо, х-х-хорошо, – дрожащим голосом отозвался Лео, впившись побелевшими от напряжения пальцами в подлокотники кресла. – А в-вы н-нас что, уб... уб...

– Зависит от того, способен ли ты оказать мне услугу или нет, – пояснил Аглиотти.

– К-какую услугу? – спросил креатор. Он продолжал сидеть в неудобной скрюченной позе, дрожа одновременно и от страха, и от скованности мышц.

– Да ты встань, разомнись, попрыгай, – посоветовал ему Доминик. – Заодно и поговорим. А вы... – кивок в сторону Джека и Портмена, – садитесь на пол и помалкивайте. Надо будет, спрошу.

Лео, кряхтя, выкарабкался из кресла, поворачивая головой, помассировал шею и кисти рук, но прыгать в компании пятерых вооруженных бандитов, однако, побоялся. Все, что им требовалось от институтского креатора, их главарь изложил всего за полминуты: двадцать загрузочных досье членов «Дэс клаба» отправляются по указанному адресу, после чего трое заложников продолжают радоваться жизни и славить доброту своих бывших захватчиков

(извещенный о ситуации, де Карнерри уже подсуетился, и сейчас на подхвате у сицилийцев был самый матерый креатор, какого только сумел отыскать Щеголь за столь короткий срок). По мнению Доминика, которое он также довел до Лео, поставленная креатору задача была проста, как бильярдный шар. А значит, проявив покладистость, операторы могут быть уверенными, что завтра, когда полиция их допросит и отпустит, они обязательно отправятся в ближайший бар и отметят свой общий второй день рождения.

Но Лео воспринял заверения Тремито так, словно сицилиец не успокоил его, а ответил ему подзатыльник: затрясся, испуганно заморгал и начал открывать рот, словно выброшенная на берег рыба. Доминик понял, что креатор желает что-то сказать, но задыхается от сильного волнения. Казалось, еще немного, и Лео не только утратит дар речи, но и впрямь забудет, как дышать.

– В чем дело? Есть какие-то проблемы? – нахмурившись, спросил Аглиотти разволнованного заложника.

– Двадцать досье... которые вам нужны, – кое-как выдавил он из себя. – Их пересылка... она возможна, но... вряд ли осуществима.

– Это еще почему? – насторожился Тремито.

– Их объем... он очень... очень велик... – Лео вздрогнул, как будто решил, что именно в этот момент его пристрелят. Выстрела не последовало, и креатор слегка успокоился, но при этом резко поменял манеру речи и начал тараторить, как мотоциклетный движок на холостых оборотах: – Чтобы переслать досье, их надо сначала заархивировать. Да, да, без этого никак, ведь их объем просто огромен!

– Ну так займись сначала архивацией! – злобно процедил Тремито. Чересчур нервное поведение креатора начинало понемногу выводить Аглиотти из себя.

– Но тут... Но здесь... Вы не понимаете, мистер! – продолжал тараторить перепуганный Лео. – Чтобы заархивировать загрузочное досье даже одного прошедшего танатоскопию человека, потребуется больше двух часов! И примерно столько же времени уйдет на пересылку сжатого мнемофайла! Ведь эти досье...они совсем не такие, как досье стандартных М-дублей! В мнемофайлах «мертвецов» содержится *полная* информация об их личностях, чего нет в загрузочном файле обычного либерийца. Я... мы... у нас физически не получится отправить всю нужную вам информацию! На это уйдет... – о Господи! – несколько суток! Вы должны поверить нам, мистер! Да-да, непременно должны поверить в это!

– Сдается, умник, ты просто морочишь мне голову! – проговорил Доминик и, демонстративно взведя курок, приставил ствол пистолета ко лбу креатора.

– Пожалуйста, не надо! – взмолился креатор, падая на колени. – Клянусь, я вам не вру! Если не верите, взгляните на сравнительные характеристики загрузочных досье!

– Я ни черта в этом не смыслю! – ответил Тремито, продолжая держать заложника на прицеле. – А вот когда мне врут, прекрасно чувствую!

– Лео говорит чистую правду, мистер! – робко вступился за коллегу Портмен. – Мнемофайлы, которые вам нужны, действительно огромны. Нет, мы вовсе не отказываемся выполнить ваш приказ, просто хотим заранее предупредить о неизбежных технических трудностях такой пересылки.

Доминик всмотрелся в глаза пожилого оператора и решил, что тот не лжет. А затем плавно спустил большим пальцем курок и убрал оружие от головы Лео.

– Ладно, допустим, вы меня убедили, – проговорил Аглиотти и взглянул на часы. – В таком случае, я заберу у вас одно досье – то, которое принадлежит Грегу Ньюмену, так называемому Демиургу. Говорите, на его отправку уйдет четыре часа? Тогда советую немедленно приступить к работе. И если к 4.20 утра мой креатор не получит этот мнемофайл, мне придется вышибить вам мозги. Вопросы есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.